

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора	3
-----------------------------	---

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

Лаборатория цифрового права при кафедре предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева	6
---	---

Ученым УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева присуждены правительственные награды	7
---	---

Международная научно-практическая конференция «Право, цифровизация и инвестиции»	8
--	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Белых В. С. Национальная экономическая безопасность России: внутренние и внешние угрозы	9
--	---

Семякин М. Н. Современная правовая политика России в сфере обеспечения прав субъектов предпринимательства в условиях экономических санкций	15
--	----

Понкин И. В., Дегтярев М. В. Право настоящего и будущего: понятие, функционал и потенциал смарт-контракта	22
---	----

Звездина Т. М. Цифровая платформа как бизнес-модель: гражданско-правовые аспекты деятельности	28
---	----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Шафир А. М. Единый энергетический фонд Российской Федерации как основа энергетической безопасности страны	34
---	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Калинина А. В., Светлакова А. С. К вопросу о формировании профессорско-преподавательского состава юридического факультета иркутского государственного университета (1918 г. – конец 1920-х гг.)	44
---	----

CHIEF EDITOR'S COLUMN	
Chief editor's column	3
BUSINESS AND SCIENCE NEWS	
Digital law Laboratory at the Business Law Department of the Ural State law University named after V. F. Yakovlev	6
Scientists of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev receive government awards	7
International Scientific and Practical Conference "Law, Digitalization and Investment"	8
CIVIL LAW, BUSINESS LAW, FAMILY LAW	
Vladimir S. Belykh. National Economic Security of Russia: Internal and External Threats	9
Mikhail N. Semyakin. Modern Legal Policy of Russia in the Field of Rights Protection of in Economic Sanctions Conditions	15
Igor V. Ponkin, Mikhail V. Degtyarev. The Law of the Present and the Future: the Concept, Functionality and Potential of a Smart-Contract	22
Tatiana M. Zvezdina. Digital Platform as a Business Model: Civil and Legal Aspects of Activity	28
ENERGY SECURITY	
Aleksandr M. Shafir. Common Energy Fond of the Russian Federation as the base of Country's Energy Security	34
HISTORICAL REVIEW	
Anna V. Kalinina, Anastasia S. Svetlakova. To the Question of the Formation of the Teaching Staff of the Faculty of Law of Irkutsk State University (1918 – the end of the 1920s)	44

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И вновь на календаре сентябрь. На прекрасных зеленых кудрях берез появляются золотые украшения – первые желтые листочки. Чаше моросит дождь, а по утрам все окутано густым туманом. Именно так бесшумной величественной походкой приходит госпожа осень в своем расписном наряде, и все в природе постепенно затихает и замирает. В свою очередь в научной и учебной деятельности, наоборот, с приходом осени возникает долгожданное оживление. Учебные корпуса как бы оживают от летнего зноя и наполняются оживленными дискуссиями, научными беседами, разнообразными мероприятиями! Именно поэтому, начало учебного года – это праздник, которого с нетерпением ждут и преподаватели, и студенты!

Этот учебный год предполагает быть особенно интересным и увлекательным, что связано с проведением различных научных и учебных мероприятий, о которых мы обязательно будем рассказывать Вам, уважаемые читатели, на страницах нашего журнала!

Кроме того, мы надеемся, что новый учебный год позволит расширить аудиторию наших читателей, не равнодушных к существующим проблемам, связанных с осуществлением бизнеса, выработкой должного правового регулирования, а также управления. Редакция журнала с нетерпением ждет материал для публикации от новых авторов, готовых расширять научные горизонты права и экономики.

Еще раз, уважаемые наши читатели, спешим поздравить Вас от всей души с началом нового учебного года! Пусть этот год станет плодотворным, успешным на новые проекты и интересные мероприятия! Полный вперед!

*С уважением,
Главный редактор*

В. С. Белых

- УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ** **ФОНД ВЫПУСКНИКОВ ФАКУЛЬТЕТА ПРАВОВОЙ СЛУЖБЫ В НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ – ИНСТИТУТА ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА УрГЮА «ГАРМОНИЯ И БЛАГОДЕТЕЛЬ»**
- ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР** **Белых В. С.** – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- ЗАМЕСТИЛИ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА** **Бажина М. А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Герасимов О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
- РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ** **Бозров В. М.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной деятельности и уголовного процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Винницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», директор Института права БРИКС.
Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)».
Илюшина М. Н. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
Исаков В. Б. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».
Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права».
Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)».
Козаченко И. Я. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».
Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской экологической академии, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного, градостроительного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермского государственного национального исследовательского университета».

Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Салиева Р. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан».

Старилов Ю. Н. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежского государственного университета».

Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирского государственного университета».

Хазанов С. Д. – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», член Научно-консультативного совета ВС РФ.

Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточного федерального университета».

Ярков В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (председатель совета).

Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления.

Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ.

Первалова И. В. – кандидат юридических наук, президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Решетникова И. В. – доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.

Сидоркин С. В. – кандидат юридических наук, председатель Арбитражного суда Свердловской области.

Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ.

Фурдуй С. В. – начальник Службы внутреннего аудита Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

КОММЕРЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР

Белых Д. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева».

Лаборатория цифрового права при кафедре предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева

21 сентября на заседании кафедры предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева было принято решение об утверждении проекта по образованию при кафедре предпринимательского права научно-исследовательской лаборатории правового регулирования цифровой экономики и бизнеса «Лаборатория цифрового права».

Важность и значение такой инициативы отмечена Белых Владимиром Сергеевичем, заведующим кафедрой предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, д. ю. н., профессором, который справедливо отметил, что «стремительное развитие цифровых технологий порождает необходимость подготовки высококвалифицированных кадров, формирования актуальных для цифровой экономики компетенций, а также формирования регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, в связи с чем и был разработан данный проект».

Основной задачей Лаборатории цифрового права является повышение компетенций университетского образования в развитии современных цифровых технологий как в области образования, так и в области исследований и инноваций. Опыт таких ведущих вузов как Гарвард, Стэнфорд и др. показывает, что процесс обучения более эффективно строится, если оно интегрировано с исследованиями.

В рамках Лаборатории будут действовать различные направления, в том числе научно-исследовательская деятельность, образовательная деятельность, проектная деятельность студентов и др.

Лаборатория будет взаимодействовать со структурными подразделениями и кафедрами УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, а также другими вузами и научно-образовательными центрами, институтами УрО РАН, ведущими региональными и международными корпорациями при поддержке федеральных и региональных органов власти.

В дальнейшем планируется создание центра компетенций УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева в сфере цифровой экономики, интеграция с Уральским цифровым кластером, а также проведение ежегодной конференции по правовому регулированию цифровой экономики.

Исследовательский коллектив Лаборатории будет состоять из членов кафедры предпринимательского права, а также членов других кафедр УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева имени В. Ф. Яковлева, специалистов, имеющих ученые степени и звания, а также практический опыт реализации инновационных проектов. В работу Лаборатории будут вовлечены студенты УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, а также студенты ведущих экономических и технических вузов Урала.

Руководителем Лаборатории назначена Болобонова Мария Олеговна, преподаватель кафедры предпринимательского права.

Приглашаем коллег и заинтересованных лиц к сотрудничеству для проведения совместных научных исследований, мероприятий (семинаров, конференций) по приоритетным направлениям цифровизации экономики, создания творческих коллективов для реализации научно-технических инновационных проектов Вашей организации!

*Болобонова Мария Олеговна,
преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева*

Ученым УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева присуждены правительственные награды

На юбилее Уральского филиала Центра частного права при Президенте России имени С. С. Алексеева были вручены правительственные награды выдающимся ученым УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева: Владимиру Сергеевичу Белых, д. ю. н., профессору, заведующему кафедрой предпринимательского права, Михаилу Федоровичу Казанцеву, д. ю. н., профессору кафедры предпринимательского права, Георгию Геннадьевичу Пиликину, д. ю. н., профессору кафедры предпринимательского права.

Награды вручались Лидией Юрьевной Михеевой, д. ю. н., профессором, директором Центра частного права Президенте России имени С. С. Алексеева, за большой вклад в развитие центра частного права.

Редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право», а также коллектив УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева от всей души поздравляем уважаемых коллег и желаем им крепкого здоровья, благополучия и дальнейших творческих достижений!

Редакция научно-практического журнала «Бизнес, менеджмент и право»

*Фото 1: Георгий Геннадьевич Пиликин,
Лидия Юрьевна Михеева,
Бронислав Мичиславович Гонгалло*

*Фото 2: Михаил Федорович Казанцев
и Лидия Юрьевна Михеева*

*Фото 3: Владимир Сергеевич Белых
и Лидия Юрьевна Михеева*

Международная научно-практическая конференция «Право, цифровизация и инвестиции»

27 сентября под руководством профессора, д. ю. н., заведующего кафедрой предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, заслуженного деятеля науки Белых Владимира Сергеевича и доцента кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, к. ю. н. Алексеенко Александра Петровича, состоялась международная научно-практическая конференция «Право, цифровизация и инвестиции», организованная при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00 454 «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ и ведущих финансовых центрах Восточной Азии»).

В рамках Конференции были затронуты такие темы как: правовое регулирование использования цифровых финансовых активов; цифровые инвестиционные платформы; кибербезопасность в финансовой сфере; критические информационные инфраструктуры.

Открыли конференцию д. ю. н., профессор Белых Владимир Сергеевич с докладом о понятийном аппарате в сфере цифровой экономики и бизнеса.

В числе приглашенных экспертов выступила д. ю. н., профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Егорова Мария Александровна с докладом, посвященным исследованию правовых проблем выпуска и обращения криптовалют на блокчейне для целей налогообложения.

Результаты исследования на тему «Регулирование платформ цифровых финансовых активов в странах Восточной Азии» были представлены Алексеенко Александром Петровичем – к. ю. н., доцентом кафедры

коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета.

В конференции также приняли участие Рубцова Наталья Васильевна – к. ю. н, доцент, доцент кафедры Кафедра гражданского и предпринимательского права, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Вронская Мария Владимировна – к. ю. н., доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет, Боллобонова Мария Олеговна, адвокат коллегии «Белых и партнеры», преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева с докладом об особенностях инвестирования путем приобретения утилитарных цифровых прав и другие участники.

Почетными гостями конференции стали Ян Тяньфан – к. ю. н., преподаватель российско-китайского центра сравнительного правоведения, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, (г. Шэньчэнь, КНР) с исследованием на тему «Правовой подход и практика обеспечения прозрачности алгоритмов для цифровых платформ в Китае: регистрация и опубликование», Жумагулов Алишер Эрнапасович – PhD, старший преподаватель кафедры Бизнес право, Ташкентский государственный юридический университет (г. Ташкент, Узбекистан) с докладом «Цифровые инвестиционные платформы: возможности законодательства Узбекистана», Юнас Аммар – PhD, преподаватель Ташкентского государственного юридического университета, Чжан Цзихун – доктор философии, профессор Шанхайского университета политических наук и права (г. Шанхай, Китай), Сингх Прабхприт – доцент, магистр конституционного права, Манипальский университет Джайпура (г. Джайпур, Индия), Гупта Манасви – LL.M., юридический институт Университета Нирма (г. Ахмадабад, Индия).

*Боллобонова Мария Олеговна,
преподаватель кафедры предпринимательского права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева*

УДК 346.7

Национальная экономическая безопасность России: внутренние и внешние угрозы¹

Белых В. С.

Аннотация: В статье автор рассуждает о комплексном характере угроз экономической безопасности нашей страны. Автор предлагает свое видение угроз, разделяя их на внутренние и внешние.

Так, внутренними могут выступать такие угрозы как деформированность структуры российской экономики, где основным направлением является топливно-энергетический комплекс, в то время как промышленная отрасль явно отстает, высокая степень физического и морального износа основных производственных фондов российских предприятий, увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности, коррупция.

К внешним угрозам, по мнению автора, относятся мировая пандемия коронавируса, от последствий которого пострадала не только Россия, но и крупнейшие экономики мира, экономические санкции, принятые против России рядом стран мира, следствием которых стало обрушение цен на нефть и газ.

В завершение автор рассуждает о новом бренде – цифровой экономике, доля которой в ВВП ряде развитых стран достигает до 12 %, при этом оставаясь в России на уровне ниже 1 %. Между тем, по замечанию автора, одна из задач государства – не потерять свой суверенитет в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: национальная безопасность, структура экономики, основные производственные фонды, коррупция, санкции, пандемия

National Economic Security of Russia: Internal and External Threats²

Vladimir S. Belykh

Abstract: In the article the author argues about the complex nature of threats to the economic security of our country. The author gives his vision of threats, dividing them into internal and external.

So, internal threats can be such as deformation of the Russian economy structure, where the main direction is the fuel and energy complex, while the industrial sector lags behind, a high degree of physical and moral wear of the basic production assets of the Russian enterprises, increasing property differentiation of the population and increasing poverty, corruption.

External threats, according to the author, include the global coronavirus pandemic, the consequences of which affected both Russia and the largest economies of the world, the economic sanctions adopted against Russia by a number of countries, the consequence of which was the collapse of oil and gas prices.

In conclusion, the author discusses a new brand – digital economy, the share of which in the GDP of a number of developed countries reaches up to 12%, while remaining below 1% in Russia. Meanwhile, according to the author, one of the tasks of the state is not to lose its sovereignty in the era of digitalization.

Keywords: national security, economic structure, basic production assets, corruption, sanctions, pandemic

1. Национальная безопасность России – краеугольный камень страны во все времена. Она становилась объектом нападения и войн со стороны разных племен,

народов и государств. В сжатом виде безопасность есть состояние защищенности основных национальных интересов страны от внутренних и внешних угроз. Будучи

1 Ссылка для цитирования: Белых В. С. Национальная экономическая безопасность России: внутренние и внешние угрозы // Бизнес, менеджмент, право. 2022. № 3. С. 9–14.

2 For References: Vladimir S. Belykh. National Economic Security of Russia: Internal and External Threats // Business, management and law. 2022. № 3. P. 9–14.

состоянием защищенности личности, государства, общества, экономики, национальная безопасность определяются через систему количественных и качественных показателей. Национальная безопасность неоднородна и состоит из отдельных составляющих ее элементов: военная, экономическая, энергетическая, экологическая, информационная и другие виды.

2. Существуют внутренние и внешние угрозы национальной безопасности. В числе внутренних угроз экономической безопасности следует назвать: увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности, деформированность структуры российской экономики, возрастание неравномерности социально-экономического развития регионов, криминализация общества и хозяйственной деятельности, высокий уровень коррумпированности. Главная внешняя угроза национальной экономической безопасности Российской Федерации связана с проблемами глобализации планетарной экономики. Прежде всего, в процессе глобализации происходит масштабное проникновение одних (преимущественно транснациональных) компаний в экономику и инфраструктуру других государств. Даже это далеко не полная картина социально-экономической ситуации в современной России свидетельствует о наличии серьезных угроз национальной безопасности страны.

Экономическая безопасность подвержена воздействию со стороны различных факторов; причем не только в чистом виде экономических

Прежде всего, отмечу, что угрозы в сфере экономики носят комплексный характер. Это означает, что экономическая безопасность подвержена воздействию со стороны различных факторов; причем не только в чистом виде экономических. На нее оказывают существенное влияние геополитические, социальные, экологические и другие факторы. Освещены некоторые вопросы геополитики и показана их связь с экономической безопасностью России.

3. Не претендуя на истину в последней инстанции, выделим и рассмотрим несколько видов внутренних стратегических угроз национальной безопасности России. Первая угроза – деформированность структуры российской экономики. Она обусловлена, в частности, такими факторами, как усиление топливно-сырьевой

направленности экономики, низкая конкурентоспособность продукции большинства отечественных предприятий, свертывание производства в жизненно важных отраслях экономики, разрушение технологического единства научных исследований и разработок и на этой основе подрыв научно-технического потенциала России. Уже давно не секрет, что российская экономика носит ярко выраженный сырьевой характер. Почти половина экспорта составляют топливно-энергетические ресурсы. Для примера, скажем, доля машин и оборудования в российском экспорте составила в 2000 г. менее 9% [1]. Для сравнения: в США – 48%, в Германии – 50%, в Японии – 70%. В то же время имеет место чрезвычайная эксплуатация нефтяных и газовых месторождений, вывоз огромного количества продукции добывающих отраслей.

В 2020 г. доля экспорта машин и оборудования составила 7,4% (в январе-декабре 2019 г. – 6,6%). Основной российский экспорт в 2020 г. традиционно являлись топливно-энергетические товары, удельный вес которых в товарной структуре экспорта составил 49,6% (январе-декабре 2019 г. – 62,1%) [2].

Итак, топливно-энергетический комплекс (ТЭК) в основном ориентирован на внешний рынок. И это понятно, так как за счет продажи минерально-сырьевой продукции российский бюджет получает 70% всех валютных поступлений. Более того, усиление экспортной составляющей в западные страны можно рассматривать в качестве своеобразного средства экономической экспансии России. Зависимость Запада от поставок российского газа и нефти приобретает устойчивое развитие. Энергозависимость от России существует! Симптоматично, что американский сенатор-республиканец Джон Маккейн заявил, что Россия, используя энергетические ресурсы, вмешивается во внутренние дела своих соседей. А почему бы и нет! Северный поток, Южный поток!

Вторая угроза. Отечественные производственные фонды характеризуются значительной степенью физического и морального износа. По оценкам специалистов, более 70% производственных фондов имеют срок эксплуатации свыше 10 лет. Быстрее всего ухудшается состояние материально-технической базы в авиационной, ракетно-космической, электронной промышленности и средств связи. Отметим, что износ основных фондов в ТЭК достигает почти 80% при условии, когда большая доля поступающих от экспорта ресурсов остается в этом комплексе. В настоящее время показатель износа улучшился. В среднем где-то в районе 47 процентов. Но это российская статистика!

В настоящее время Россия по-прежнему находится в десятке стран-мировых «лидеров» по уровню износа

основных производственных фондов (ОПФ). Этот показатель, по данным международных экономических организаций, оценивается, как минимум в 50%. В то же время, по группе БРИКС уровень износа ОПФ не превышает 35%. В свою очередь, российские федеральные ведомства оценивают данный показатель по России в 45–65% [3]. Цифры!

По прогнозам ученых, для восстановления и инвестиционного обновления парка физически и морально изношенного основного капитала отечественных промышленных предприятий требуется порядка \$ 500 млрд. К этой астрономической сумме надо прибавить средства на уровне 10–11% от указанной суммы для обеспечения режима простого воспроизводства активной части выработавших свой ресурс фондов. Но едва ли стоит надеяться на массивное вливание иностранных инвестиций в российскую экономику. Иностранные инвестиции (с учетом реальной картины их поступления) не могут выступать решающим средством развития факторов производства России.

Так, вложения иностранцев упали более чем в 20 раз. По итогам 2020 г. иностранцы вложили в российские компании 1,4 млрд долл. США. Это уровень середины 90-х годов. Зато наблюдается отток прямых иностранных инвестиций из России. Вопрос: почему инвестиции идут в Китай и нет в России?

Увеличение имущественной дифференциации населения и повышение уровня бедности – серьезная угроза национальной экономической безопасности России. Об этом красноречиво говорят цифры. По данным Департамента доходов населения и уровня жизни Минтруда в I квартале 2002 г. в стране за чертой бедности проживало 43,3 млн, или 30,2% населения России. Последствием пандемии COVID-19 стал резкий – на 1,8 млн человек – рост числа россиян, живущих за чертой бедности. Доходы ниже прожиточного минимума по итогам второго квартала – почти у 20 млн человек, сообщил Росстат. Происходит расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу бедных. Для большинства россиян является несбыточной мечтой заработная плата в размере среднего промежуточного минимума (1980 рублей или два доллара в день). Правда, Минтруда обещает приравнять минимальную оплату труда к стоимости жизни по международным нормам. И пожилые – и не увидели! На снижение уровня бедности в России выделяют более 15 трлн руб.

Растет безработица в России. Несколько слов об уровне безработицы в России. Численность безработных в феврале 2009 г. составляла 6,1 млн чел., или 8,1% экономически активного населения. В годовом исчислении общее число безработных возросло на 1,1 млн

человек [4]. Однако в марте 2009 г., по предварительной оценке Росстата, количество безработных достигло отметки 7,5 млн человек по методике МОТ. На протяжении последних лет (2012–2014 гг.) безработица в России имела тенденцию к снижению. Если в начале 2011 г. она составляла 7,8%, то на начало 2014 г. – около 5,3%. К концу 2014 г. наметился подъем уровня безработицы. По данным Росстата, на ноябрь 2016 г. уровень составил 5,2%, где-то в районе 4 млн человек от числа экономически активного населения. Цифры и факты: в 2020 г. – уровень безработицы – 6,4 процентов или 3,7 млн человек. Это максимальное значение по безработице в России со времен рецессии, вызванной мировым финансовым кризисом 2008 г. [5].

Для информации: страны мира с самым низким уровнем безработицы: Катар – 0,1%; Камбоджа – 0,1%; Беларусь – 0,2%; Нигер – 0,3%; Лаос – 0,6% [6].

4. Коррупция – следующий фактор внутренней угрозы национальной безопасности. В 2012 г. издана книга «Империя коррупции: Территория русской национальной игры», ее автор Владимир Соловьев [7]. Книга интересная и богатая полезной информацией, а также различного рода сравнениями, эпитетами. Например, «Россия сверху донизу заражена коррупцией. Означает ли это, что у нее нет будущего? Вовсе нет... Микробы нужны обязательно. Другое дело, когда численность популяции перерастает некий критический предел – это означает, что организм тяжело болен». Или «Борьба с коррупцией – это русский вид спорта». Есть некоторое тяготение к национальной идее России.

Теперь о коррупции, которая мешает нам жить и строить. Известно, что Россия занимает лидирующее место по коррупции. В 2011 г. Россия заняла 147-е место по уровню коррупции в рейтинге, подготовленном международной организацией Transparency International. На этом же месте оказались Бангладеш, Кения и Сирия. В рейтинге коррупционности стран России выставлено 2,1 балла из возможных десяти. Рейтинг составляется на основе опросов экспертов и участников деловых кругов 180 стран мира. 10 баллов выставляется странам с наименьшим уровнем коррупции. Ближайшими соседями России по рейтингу являются Казахстан и Восточный Тимор, занявшие 145-е место, а также Белоруссия, Центральная Африканская Республика, Кот-д'Ивуар, Эквадор, Лаос, Папуа Новая Гвинея и Таджикистан, которым досталось 151-е место [8]. Наивысший балл получила Дания – 9,3 балла. Также первое место в рейтинге заняли Новая Зеландия и Швеция. Четвертое место досталось Сингапуру, пятое – Финляндии и Швейцарии. В десятку стран с наименьшим уровнем коррупции вошли Исландия, Нидерланды, Австралия и Канада.

Как не вспомнить и не повторить известную фразу: «Хуже только в Африке»!

Россия оказалась на 129-м месте из 180 в рейтинге стран по уровню восприятия коррупции за 2020 г., который составила международная организация Transparency International (ее российское представительство признано Минюстом РФ иностранным агентом). Она получила 30 баллов из 100. Столько же набрали Азербайджан, Габон, Малави и Мали. Приятное соседство!

Лидером среди российских регионов по числу выявленных случаев взяточничества в 2020 г. стала Москва, сообщил РИА Новости начальник управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генпрокуратуры Виктор Балдин [9]. «Далее – Республика Татарстан, Ставропольский край, Московская область, Республика Башкортостан, Краснодарский край, Челябинская и Ростовская области, Республика Дагестан и Пермский край», – сказал он в интервью РИА. Свердловской области нет.

5. Экономические последствия в цифрах, вызванные мировой пандемией. По мнению ряда аналитиков, в период с апреля по июнь потери национальной экономики составили 18%, а доходы населения «просели» на 17%. В денежном эквиваленте, основываясь на статистике Росстата по работающему населению и средней зарплате, оборот экономики снизился от 3 до 4 трлн рублей.

ВВП в 2020 г. снизился в рамках 3,5–4%. При оптимистичном прогнозе в следующем году Россия сможет отыграть потери, показав рост до 5%. Разумеется, это станет возможным, если Правительство, в том числе, реализует пакет мер для полноценной поддержки и вывода из кризиса предприятий малого и среднего бизнеса [10]. Нужен комплекс мер во всех сферах экономики и бизнеса.

Для сравнения: самым тяжелым выдался второй квартал 2020 г. – ведущие страны столкнулись с небывалым обвалом экономики. Так, ВВП США рухнул на 32,9%, Евросоюза – 14,4%. Снижение в ключевых европейских государствах оказалось двузначным, например, в Великобритании – минус 21,7%.

От пандемии пострадали все отрасли экономики. Однако можно утверждать, что серьезный удар пришелся по малому и среднему бизнесу. Более того, пострадали такие отрасли и сегменты экономики как автомобильная промышленность, легкая промышленность, машиностроение, торговля, туризм. Например, объем экспорта товаров из РФ в 2020 г. сократится более чем на треть, до \$268 млрд., импорт снизится на 21%, до \$200 млрд. При этом, экспорт товаров из РФ в 2021 г. возрос до \$301 млрд, в 2022 г. – до \$360 млрд, а импорт

товаров в РФ в 2021 г. составил \$227 млрд., в 2022 г. – \$256 млрд. По прогнозам Минэкономразвития, в 2023 г. экспорт товаров будет составлять до \$400 млрд, а импорт в 2023 г. – \$280 млрд [10].

Падение нефтяных цен – это самый значимый по своему эффекту шок для энергетики и экономики страны в силу зависимости от экспорта углеводородов. Россия как была раньше, так и осталась моноэкономикой. Основной ресурс пополнения бюджета – это минеральные ресурсы страны (нефть, газ и др.). За 20 лет не удалось осуществить диверсификацию отраслей государства.

6. И, конечно, экономические санкции, включая финансовые. Их не отменили, напротив, расширили. Особенно болезненным для нашей экономики является резкое падение цен на нефть. В свою очередь, Россия нуждается в нефти по цене не ниже 100 долл. США за баррель, чтобы сбалансировать бюджет. В настоящее время цена за баррель нефти равняется 75,3 долл. США, хотя некоторые аналитики прогнозируют в краткосрочной перспективе 20–25 долл. США за баррель нефти. Это серьезная внешняя угроза национальной экономической безопасности России. И не только. Есть и другие угрозы.

Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации» сформулирован перечень внутренних и внешних угроз экономической безопасности страны. К ним относятся, в частности:

- стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе, информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции;
- усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, рост частной и суверенной задолженности, увеличение разрыва между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг;
- использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям;
- повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов Российской Федерации, а также вблизи ее границ;
- усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков;
- изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие «зеленых технологий»;

– деятельность создаваемых без участия Российской Федерации межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений, которая может нанести ущерб национальным интересам Российской Федерации и др. [11].

7. Современный бренд – это цифровое государство, цифровая экономика, цифровой бизнес, цифровое право. В настоящее время термины «цифровая экономика», «цифровые права», «цифровое право» являются предметом оживленной дискуссии. Так, цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг [12].

«Сегодня центральным вызовом для всех государств мира становится вопрос о том, как с цифровизацией не потерять свой суверенитет», – заявил заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Максим Акимов. Он объяснил, что в современном мире государство порой знает о своих гражданах меньше, чем крупные технологические компании мира. «Рыночная власть, которую сосредоточили глобальные игроки и платформы – это конкуренция за предпочтения граждан и формат цифровой трансформации будет задавать исход этой конкуренции», – уверен М. Акимов [13]. Плюсы и минусы IT!

Интернет-экономика Великобритании, крупнейшей в G20, в 2012 г. составила около 8,3% по отношению к объему ВВП, в 2016 г. – 12%. Цифровая экономика

России сильно отстает от США, Китая, Европы и Японии. Если на долю России в 2018 г. в мировом ВВП приходилось 1,8%, то в мировой производительности суперкомпьютеров составила лишь 0,32%.

Несмотря на имеющееся отставание, цифровая экономика и цифровой бизнес в России развиваются, благодаря взаимодействию крупных IT-организаций, которое сопряжено с работой Россотрудничества. Совместно с ведущими российскими университетами и IT-компаниями создаются проекты, формирующие новые кадры для развития данного направления в дальнейшем.

Несмотря на имеющееся отставание, цифровая экономика и цифровой бизнес в России развиваются, благодаря взаимодействию крупных IT-организаций, которое сопряжено с работой Россотрудничества

Итак, существуют реальные внешние и внутренние угрозы национальной безопасности России. Но они (угрозы) присутствуют уже давно, но при этом Россия остается на плаву. Для сравнения: страны Северной Африки то же на плаву и не думают закатываться по типу Европы [14]. Магриб (там, где закат) – название, данное средневековыми арабскими географами и историками странам, расположенным к западу от Египта. Слово «закат» имеет иной смысл.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белых В. С. Россия: вчера, сегодня, завтра. – 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 222–232.
2. ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.alta.ru/external_news/79310/ (дата обращения: 20.08.2022).
3. Уровень износа основных фондов в России намного выше, чем в других странах БРИКС [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/07/05/iznos.html> (дата обращения: 20.08.2022).
4. Федеральная служба государственной статистики. Информация о социально-экономическом положении России – 2009 г., январь-февраль. Занятость и безработица [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.08.2022).
5. Безработица в России. Состояние на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Безработица_в_России#Состояние_на_2014–2020_годы (дата обращения: 20.08.2022).
6. Уровень безработицы в России и других странах мира. Статистика на 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://tyulyagin.ru/ekonomika/uroven-bezraboticy-v-rossii-i-drugix-stranax-mira-statistika.html> (дата обращения: 20.08.2022).
7. Соловьев В. Р. Империя коррупции: Территория русской национальной игры. М.: Эксмо, 2012. – 288 с.

8. По уровню коррупции Россия оказалась между Казахстаном и Лаосом [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2008/09/23/transparency/> (дата обращения: 20.08.2022).
9. В Генпрокуратуре назвали регионы – лидеры по уровню коррупции [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/ria.ru/s/20210309/vzyatki-1600397713.html> (дата обращения: 20.08.2022).
10. Минэкономразвития оценило влияние пандемии COVID-19 на экономику России [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/tass.ru/s/ekonomika/8535503> (дата обращения: 20.08.2022).
11. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, №20, ст. 2902.
12. Указ Президента РФ от 09 мая 2017 №203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, №20, ст. 2901.
13. Цифровая экономика 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/news/1269> (Дата обращения: 21.08.2022).
14. Белых В. С. Закат Европы (по следам книги Шпенглера) // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 2. С. 11–22.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Белых Владимир Сергеевич

(Россия, Екатеринбург), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, e-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

AUTHOR'S DETAILS

Vladimir S. Belykh

(Russia, Ekaterinburg), Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: belykhvs@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0611-088X, Scopus ID: 57202814902.

УДК 346.9

Современная правовая политика России в сфере обеспечения прав субъектов предпринимательства в условиях экономических санкций¹

Семякин М. Н.

Аннотация: В статье рассмотрена правовая политика в сфере обеспечения прав субъектов предпринимательства как часть правовой политики РФ в условиях экономических санкций. Автором приведен целый ряд «точечных» антисанкционных мер, принятых РФ, в частности, запрет на проведение различного рода контрольных, надзорных действий, применение ряда административных санкций к хозяйствующим субъектам, временное освобождение граждан от уплаты налога на доход, полученный в виде процентов на вклады на депозитных банковских счетах, установление шестимесячного моратория на банкротство и иные.

Автором дана общая характеристика предпринимательско-правовой политики и рассмотрены ее отдельные направления. Рассмотрена такая антисанкционная мера, как внешнее управление предприятиями иностранных компаний, недобросовестно прекративших свою деятельность в РФ, и имеющих важное значение для экономики РФ. Уделено внимание «параллельному импорту» товаров в РФ, проанализирован имеющийся ранее (до введения экономических санкций) правовой режим «параллельного импорта» в РФ и странах Евразийского экономического союза. В завершение автором отмечено о необходимости объединения усилий России и стран Евразийского пространства по региональной интеграции законодательства и экономическому развитию.

Ключевые слова: предпринимательство, политика, право, внешнее управление, параллельный импорт, евразийский экономический союз

Modern Legal Policy of Russia in the Sphere of Protecting the Rights of Business Entities in the Conditions of Economic Sanctions²

Mikhail N. Semyakin

Abstract: The article considers the legal policy in the sphere of ensuring the rights of business entities as a part of the RF legal policy in the context of economic sanctions. The author presents a number of «target» anti-sanctions measures adopted by the Russian Federation, in particular, the ban on various kinds of control and supervisory actions, the application of a number of administrative sanctions to business entities, temporary exemption of citizens from tax on income received in the form of interest on deposits in bank accounts, the establishment of a six-month moratorium on bankruptcy, and others.

The author gives a general characteristic of entrepreneurial and legal policy and considers its separate directions. The author considers such anti-sanction measure as the external management of enterprises of foreign companies that unscrupulously terminated their activities in Russia, and which are important for the economy of the Russian Federation. Attention is paid to «the parallel import» of goods in the Russian Federation. The author analyzed the preexisting (before the imposition of economic sanctions) legal regime of «the parallel import» in the Russian Federation and the countries of the Eurasian Economic Union. The author concludes the article by noting the need for Russia and the Eurasian space countries to combine their efforts on regional integration of legislation and economic development.

Keywords: entrepreneurship, politics, law, foreign administration, parallel imports, Eurasian Economic Union

1 Ссылка для цитирования: Семкин М. Н. Современная правовая политика России в сфере обеспечения прав субъектов предпринимательства в условиях экономических санкций // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 3. С. 15–21.

2 For Reference: Mikhail N. Semyakin. Modern Legal Policy of Russia in the Field of Rights Protection of in Economic Sanctions Conditions // Business, management and law. 2022. № 3. P. 15–21.

В настоящее время особенно возрастает роль и социальное значение правовой политики для определения дальнейшего развития как отечественной правовой системы в целом [1, с. 77], так и ее важнейшего предпринимательско-правового направления – в особенности. Обеспечение соответствия предпринимательского законодательства, практики его применения современным экономическим вызовам предполагает упрочение аксиологических (ценностных) основ предпринимательского права, его роли и значения в современных условиях, совершенствование его взаимодействия с иными частями российской правовой системы, что обуславливает необходимость формирования и развития соответствующих направлений в рамках современной предпринимательско-правовой политики в РФ.

Говоря в целом о правовой характеристике принятых в последнее время «антисанкционных» мер, по оценкам отдельных авторов, они направлены на стабилизацию экономики и носят организационный, публичный характер

Вместе с тем следует заметить, что не только правовая политика в сфере предпринимательства оказывает влияние на правовую политику в целом, но и последняя, в свою очередь, достаточно активно воздействует на предпринимательско-правовую систему. Как отмечает Р-Ж Ньюрих, с точки зрения эволюции права постоянные изменения, как правило, накапливаются как часть внезапных и более фундаментальных изменений, которые метафорически именуют «сдвигами в «правовой парадигме». Такие «сдвиги» правовой парадигмы происходят, «когда правовая система достигает „переломного момента“... а фундаментальные предпосылки, принципы и концепции подвергаются коренным трансформациям» [2, с. 20].

Однако, думается, даже несмотря на попытки установления жесткого санкционного режима, в России нет достаточных оснований для того, чтобы рассуждать о «сдвиге» российской правовой парадигмы, в том числе и «коренного» изменения политики в сфере предпринимательского права, ибо основополагающие принципы права, его ключевые (исходные) идеи и концепты, на которых базируется российская правовая система,

в результате этого не подвергаются существенным (фундаментальным) трансформациям.

Вместе с тем, конечно, выше отмеченное отнюдь не означает, что экономическим вызовам не нужно противостоять самым активнейшим образом, вводя в оборот различные «инструменты», в том числе правовые, направленные на нивелирование либо уменьшение (или предотвращение) вредных последствий санкционного воздействия для российской экономики. В последнее время это проявилось в достаточно серьезном изменении подходов к правовому обеспечению устойчивости российской экономики и ее важнейшей, основной сферы – предпринимательской деятельности, а также защиты прав и законных интересов граждан и общества в целом.

В условиях жестких экономических санкций, введенных странами Запада, выстраивание устойчивой российской правовой системы в сфере предпринимательства, а также основных направлений ее дальнейшего развития, связано с осмыслением целого ряда проблем организационного, экономического, политического, социально-культурного, правового и иного характера. Главное здесь, безусловно, – обеспечить стабильность потребительского рынка товаров и услуг, охрану и защиту прав и законных интересов граждан, субъектов предпринимательства, поддержание необходимых инвестиционных условий.

В настоящее время в условиях беспрецедентных экономических и правовых санкций, когда в странах Запада исключительно по политическим мотивам производятся аресты имущества российских граждан, «замораживаются» их денежные средства на счетах в зарубежных банках, а также их активы, выраженные в иностранных ценных бумагах; в одностороннем порядке расторгаются договорные отношения с российскими контрагентами; по национальным признакам осуществляется дискриминация россиян за рубежом и т.д., – все это может быть квалифицировано не иначе, как «правовой произвол», грубейшее нарушение прав и свобод человека, международных принципов и норм.

В связи с этим причиняется вред не только экономике России, но и гражданским правам и свободам граждан, в том числе в сфере осуществления предпринимательской деятельности. Для противодействия этому в оперативном порядке принят ряд законов, указов Президента РФ, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и иных мер, с помощью которых в правовую систему введен комплекс различных правовых «инструментов», направленных на стабилизацию российского рынка, финансовой системы,

охрану и защиту прав и законных интересов субъектов предпринимательства, а также граждан.

Говоря в целом о правовой характеристике принятых в последнее время «антисанкционных» мер, по оценкам отдельных авторов, они направлены на стабилизацию экономики и носят организационный, публичный характер. Думается, такие представления являются недостаточно релевантными, не учитывающими многообразный «спектр» принятых различных мер. Среди последних, безусловно, немало мер, имеющих публично-правовую направленность, – связанные с введением моратория на осуществление различного рода контрольных, надзорных действий, применением соответствующих административных санкций к хозяйствующим субъектам и т. д.

Ряд мер, как представляется, носят публично-частноправовой характер. Это касается, в частности, временного освобождения граждан от уплаты налога на доход, полученный в виде процентов на вклады на депозитных банковских счетах; установления шестимесячного моратория на банкротство юридических лиц и т. д.

Вместе с тем имеются и такие меры, которые относятся к сфере частного – гражданского права. Так, с 1 марта 2022 г. вступил в силу (за исключением отдельных положений) Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 476 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором законодатель отреагировал на многолетний дискурс в литературе по поводу содержания термина «многоквартирный дом», определив последний как здание, состоящее из двух и более квартир, включающее в свой состав также и общее имущество собственников квартир (нежилые помещения, иное имущество) и т. д.

Аналогично, частноправовой мерой является сокращение срока оплаты (с 15 дней до 7 дней) за поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги по обязательствам, связанным с удовлетворением государственных и муниципальных нужд.

Наряду с этим «антисанкционное» законодательство предусматривает и некоторые ограничения частноправового характера: расчеты с иностранными контрагентами должны производиться в рублевом эквиваленте; ограничен вывоз за рубеж иностранной валюты и соответствующие другие валютные операции.

В связи с этим необходимо отметить, что подобного рода ограничения, как и некоторые иные «запреты», нельзя рассматривать как нарушение прав и свобод граждан, поскольку они направлены на охрану конституционно значимых государственных и общественных ценностей и социальных благ. В соответствии

с положением части 3 статьи 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В контексте осмысления новой «антисанкционной» правовой политики в Российской Федерации представляется необходимым выделить некоторые его отдельные направления.

1. Обеспечение стабильности российского рынка, уменьшение либо нейтрализация вредного воздействия зарубежных экономических санкций на российскую экономику. В этом контексте важное значение имеет правые «инструменты», связанные с введением внешней администрации по управлению предприятиями, собственники которых недобросовестно прекратили их деятельность в Российской Федерации.

24 мая 2022 г. Государственной Думой РФ принят в первом чтении проект Федерального закона № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией».

В целях защиты национальных интересов Российской Федерации, в том числе обеспечения безопасности государства и финансовой стабильности, а также прав и законных интересов организаций, кредиторов, работников и общества, законопроектом предложен механизм назначения внешней администрации по управлению организациями. В частности, внешняя администрация может быть назначена по решению суда в отношении организаций, имеющих существенное значение для обеспечения стабильности экономики и гражданского оборота, защиты прав и законных интересов граждан в Российской Федерации в целом или в отдельном субъекте Российской Федерации, в которых иностранные лица прямо или косвенно владеют более 25% акций (долей).

Законопроектом устанавливается ряд критериев, свидетельствующих о существенном значении организации для российской экономики, в частности, если прекращение деятельности организации может привести к дестабилизации, необоснованному увеличению цен для потребителей в Российской Федерации на производимые организацией товары или товары иных производителей. В качестве оснований для назначения внешней администрации могут являться: прекращение управления деятельностью организации ее органами управления в нарушение законодательства Российской Федерации; полное или значительное

прекращение (приостановка) деятельности организации; перебои (их угроза) снабжения потребителей и нарушение критически значимых цепочек и др. Инициировать рассмотрение в судебном порядке вопроса о назначении внешней администрации могут руководитель отраслевого федерального органа исполнительной власти или глава субъекта Российской Федерации, в котором зарегистрирована или на территории которого осуществляет деятельность организация. При этом одновременно по ходатайству ФНС России судом вводятся обеспечительные меры в целях недопущения вывода активов организации и совершения действий, препятствующих восстановлению ее деятельности.

В связи с вышеотмеченным представляется необходимым обратить внимание, по меньшей мере, на два момента.

Во-первых, поскольку назначение внешней администрации может быть реализовано двумя способами: передача внешней администрации в доверительное управление акций (долей) организации или передача внешней администрации полномочий руководителя организации, то с учетом этого в Законопроекте допускается переход от вида полномочий по доверительному управлению акциями (долями) к виду полномочий по осуществлению полномочий руководителя организации. Однако правовой режим «доверительного управления» и «полномочий руководителя организации» – это разные явления и каким же тогда должен выглядеть механизм такого «перехода» от одного вида «полномочий» к другому?

Во-вторых, решение о ликвидации организации или введении процедуры конкурсного производства, полномочия ликвидатора или конкурсного управляющего, которые осуществляет внешняя администрация и другие вопросы тесно связаны с предметом регулирования Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и поэтому их решение должно быть тесно увязано с правилами названного Закона.

2. Другое важное направление в рамках современной правовой политики РФ связано с решением проблемы, касающейся легализации параллельного импорта в Российской Федерации.

Государственной Думой РФ сразу во втором и третьем чтениях был принят Федеральный закон от 21 июня 2022 г. «О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В ст. 18 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

закреплено положение о том, что не является нарушением исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации их использование в товарах (группах товаров), включенных в установленный Правительством Российской Федерации перечень товаров (групп товаров), к которым могут не применяться положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы.

В связи с этим необходимо заметить, что ранее уже произведены изменения в законодательстве [3], предоставившие Правительству РФ в 2022 г. право формировать перечень товаров, в отношении которых могут не применяться отдельные положения Гражданского кодекса РФ о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. «Теперь эту норму, по словам Председателя Государственной Думы В. Володина, предлагается дополнить положением о том, что использование результатов интеллектуальной деятельности, выраженных в указанных товарах, не является нарушением. Также не является нарушением использование средств индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [4].

Представляется, что такой однозначный вывод вряд ли является релевантным. Следует заметить, что в литературе вопрос, касающийся правовой квалификации «параллельного импорта», относится к числу достаточно дискуссионных [5].

В связи с вышеотмеченным представляется необходимым обратить внимание на следующее.

Во-первых, вышеуказанное изменение, внесенное в ст. 18 Федерального закона № 46-ФЗ, произведено в таком порядке, который не соответствует принципиальному положению, установленному в Гражданском кодексе РФ. Согласно п. 2.1, которым дополнена статья 3 названного Кодекса: «Положения, предусматривающие внесение изменений в настоящий Кодекс, приостановление действия или признание утратившими силу положений ... Кодекса, не могут быть включены в тексты законов, изменяющих (приостанавливающих действие или признающих утратившими силу) другие законодательные акты Российской Федерации или содержащих самостоятельный предмет правового регулирования». Иначе говоря, изменения (поправки) в Гражданский кодекс РФ могут вноситься только отдельными законами и нельзя включать их вместе с другими проектируемыми положениями, которые подлежат внесению в другие законы.

Во-вторых, говоря о внесении изменения в ст. 18 Федерального закона № 46-ФЗ, касающегося того, что в отношении определенного перечня товаров (групп товаров) могут не применяться некоторые положения Гражданского кодекса РФ о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, вместе с тем национальный принцип применения параллельного импорта в РФ остался прежним, то есть таким же, каким он был и до внесения указанной законодательной поправки. В соответствии с положением ст. 1487 Гражданского кодекса РФ, не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории РФ непосредственно правообладателем или с его согласия.

Национальный режим «исчерпания прав» означает, что подлежащее правовой охране исключительное право правообладателя на товарный знак «исчерпывается» на территории определенного государства, с момента введения товара в гражданский оборот на данной территории самим правообладателем либо с его согласия иным управомоченным лицом.

В соответствии с правилом п. 16 Приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) на территориях государств-членов применяется региональный принцип «исчерпания исключительного права» на товарный знак, товарный знак Союза, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем товарного знака и (или) товарного знака Союза или другими лицами с его согласия.

Таким образом, как представляется, введенные новые законоположения не дают оснований квалифицировать «параллельный импорт» как его «легализацию» в Российской Федерации несмотря на то, что в новой редакции ст. 18 Федерального закона № 46-ФЗ формально говорится об этом. Учитывая недобросовестные действия соответствующих зарубежных производителей (поставщиков) товаров, связанные с введением экономических санкций, в результате чего российской экономике причиняется вред, нарушается принцип конкуренции хозяйствующих субъектов, значительно возрастают цены на товары и т. д., то указанные новеллы российского законодательства следует понимать в этом контексте так, что исключительные права таких правообладателей

на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в отношении установленного перечня товаров (групп товаров), поставляемых в Российскую Федерацию в порядке «параллельного импорта», не подлежат защите.

Национальный режим «исчерпания прав» означает, что подлежащее правовой охране исключительное право правообладателя на товарный знак «исчерпывается» на территории определенного государства, с момента введения товара в гражданский оборот на данной территории самим правообладателем либо с его согласия иным управомоченным лицом

Однако это не равнозначно «легализации» параллельного импорта в Российской Федерации. Именно с этим обстоятельством связано то, что на зарубежного изготовителя товаров, завезенных в Российскую Федерацию без его согласия, в порядке «параллельного импорта», невозможно будет возложить ответственность за ненадлежащее качество товара, а также обязанность по гарантийному обслуживанию товара и т. д.

Особо важное значение в оценке «параллельного импорта» в РФ имеют Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № П-8 «По делу о проверке конституционности положений п. 4 ст. 1252, ст. 1487 и п. п. 1, 2 и 4 ст. 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» [6], а также Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7]. Подход, сформированный названными высшими судебными инстанциями к правовой оценке «параллельного импорта», выражается, в частности, в том, что суд может полностью или частично отказать в применении последствий ввоза на территорию РФ без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в гражданский оборот за пределами РФ, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя применение

по его требованию таких последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов. Товар, ввезенный в Российскую Федерацию при «параллельном импорте», может быть изъят из оборота и уничтожен в порядке применения последствий нарушения исключительного права правообладателя на товарный знак лишь в случае его ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

3. В современных условиях, очевидно, основной тренд экономического, хозяйственного развития России будет сориентирован на сотрудничество со странами, входящими в различные региональные объединения, в частности в Евразийский экономический союз, что обуславливает необходимость тесной координации и гармонизации законодательства России с законодательствами стран соответствующих региональных объединений. В условиях «санкционного» режима усиление региональной интеграции становится неизбежным процессом, в том числе на Евразийском пространстве. Перед государствами этого региона стоят многие схожие проблемы [8, с. 5], решение которых возможно только путем объединения усилий всех соседствующих стран посредством применения единых подходов, при этом основным критерием их выбора является «всеобъемлющий принцип эффективности».

В порядке краткого резюме можно отметить следующее.

В условиях режима жестких экономических санкций предпринимательско-правовая политика РФ обусловлена необходимостью обеспечения стабильности рынка потребительских товаров и услуг, охраны и защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, обеспечение привлекательности инвестиционной сферы РФ.

Принимаемые правовые меры должны выстраиваться в рамках отечественной правовой системы, в соответствии с международными нормами и принципами, а также международными договорами РФ, при условии, что они не противоречат положениям Конституции РФ.

Среди широкого комплекса принимаемых правовых решений должен быть выделен ряд мер системобразующего характера, направленных на обеспечение в целом российского правопорядка, экономической стабильности и охраны прав и законных интересов субъектов предпринимательства, граждан.

Такое комплексное и сбалансированное развитие отечественного законодательства с выделением в нем системных структурных направлений может способствовать обеспечению стабильности российского экономического и правового порядков, защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства, граждан, совершенствованию отношений РФ с дружественными государствами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байниязова З. С. О значении правовой политики для развития российской правовой системы // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163).
2. Ньурих Р-Ж. Современные проблемы и сдвиг правовой парадигмы // Актуальные проблемы современного права и экономики Европы и Азии: коллективная монография. Т. 1 / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); Ассоциация российских дипломатов; Ассоциация юристов России / отв. ред. М. А. Егорова, И. В. Халевинский. М.: Юстицинформ, 2018.
3. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. №506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс» [дата обращения 22.06.2022].
4. Володин В. Госдума легализовала параллельный импорт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1obl.ru/news/ekonomika/gosduma-legalizovala-parallelnyy-import-tovarov-v-rossiyu/> (Дата обращения: 21.08.2022).
5. Бычков А. И. Разрешен ли параллельный импорт в РФ? (Консультация эксперта) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=196596#020788937970376198> (Дата обращения: 21.08.2022).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № П-8 «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
8. Курбанов Р. А. Евразийское право: учебник для магистратуры. Москва: Проспект, 2022. 600 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семякин Михаил Николаевич

(Россия, Екатеринбург), главный научный сотрудник Управления научных исследований УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, доктор юридических наук, профессор, e-mail: 9193705538@mail.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Mikhail N. Semyakin

(Russia, Ekaterinburg), Chief Researcher of the Research Directorate of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Legal Sciences, Professor, e-mail: 9193705538@mail.ru.

УДК 342.9

Право настоящего и будущего: понятие, функционал и потенциал смарт-контракта¹

Понкин И. В., Дегтярев М. В.

Аннотация: В связи с принятием в России Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ст.13 «Экспериментальный правовой режим») актуализировалась тема экспериментального законодательства. Одновременно все большее значение приобретают экспериментальные регуляторные проекты в сфере запуска и применения смарт-контрактов. Настоящая статья посвящена исследованию и объяснению понятия, природы, функционала, потенциала и онтологии смарт-контрактов. Авторы дают обзор ряда референтных российских актов. В статье обозначено видовое многообразие смарт-контрактов по основаниям природы и функционала. В статье объяснены общее понятие и природа смарт-контракта как гражданско-правового договора, а также общее понятие и природа смарт-контракта как онтологического инструмента среды цифровой валюты. В статье изложены существенные признаки правового смарт-контракта, онтологически существующего в автоматизированной и основанной на коде (цифровизированной) правовой реальности. Авторы отмечают некоторые существующие проблемы задействования смарт-контрактов и обеспечения их безопасности. Эмпирической основой исследования явились законодательство и официальные документы (в том числе документы стратегического планирования) Германии, Испании, Италии, Китая, Нидерландов, Португалии, России, США, Финляндии, Франции, Швейцарии, Южной Кореи, Японии.

Ключевые слова: смарт-контракт, регуляторные технологии, цифровые технологии, концепт наилучшего регулирования, experimental legislation, экспериментальное законодательство, инновационные публично-правовые режимы

The Law of the Present and the Future: the Concept, Functionality and Potential of a Smart-Contract²

Igor V. Ponkin, Mikhail V. Degtyarev

Abstract: In connection with the adoption of the RF Federal Act No. 258-FZ of July 31, 2020 “On Experimental Legal Regimes in the Field of Digital Innovation in the Russian Federation” and Federal Act No. 247-FZ of July 31, 2020 “On Mandatory Requirements in the Russian Federation” (Art.13 “Experimental Legal Regime”), the topic of experimental legislation was updated. At the same time, experimental regulatory projects in the field of launching and using smart contracts are becoming increasingly important. This article is devoted to the study and explanation of the concept, nature, functionality, potential and ontology of smart-contracts. The authors give an overview of a number of reference Russian acts. The article indicates the species diversity of smart-contracts on the grounds of nature and functionality. The article explains the general concept and nature of a smart-contract as a civil-legal contract, as well as the general concept and nature of a smart-contract as an ontological instrument of the digital currency environment. The article outlines the essential features of a legal smart-contract, ontologically existing in an automated and code-based (digitized) legal reality. The authors note some of the existing problems of enabling smart-contracts and ensuring their security. The empirical basis of the study was the legislation and official documents (including strategic planning documents) of Germany, Spain, Italy, China, the Netherlands, Portugal, Russia, USA, Finland, France, Switzerland, South Korea, and Japan.

Keywords: smart contract, regulatory technologies, digital technologies, concept of Better Rules, experimental legislation, innovative public-legal regimes

1 Ссылка для цитирования: Понкин И. В., Дегтярев М. В. Право настоящего и будущего: понятие, функционал и потенциал смарт-контракта // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 3. С. 22–27.

2 For Reference: Igor V. Ponkin, Mikhail V. Degtyarev. The Law of the Present and the Future: the Concept, Functionality and Potential of a Smart-Contract // Business, management and law. 2022. № 3. P. 22–27.

Введение

Вопросы об инструментальном оснащении будущих регуляторных ландшафтов и в целом о будущем в праве являются существенно значимыми для публично-правовых (государственно-правовых) наук. Вопрос о смарт-контрактах – это один из таких вопросов. Смарт-контракт (франц. – *contrats intelligents*; англ. – *smart contract*) – это характерный (узнаваемый и часто упоминаемый) элемент современной онтологии цифровизации правового пространства (в части автоматизации онтологии контрактов), одно из приоритетных сегодня в России и за рубежом направлений законодательных экспериментов [1].

Сегодня тема экспериментирования в законодательстве очень модна, но нередко производится подмес – когда за такое экспериментирование выдаются просто законодательные новации.

И нормативно-правовое обеспечение внедрения, применения, признания (в качестве юридически значимых) и правовых последствий применения смарт-контрактов – это как раз и есть достаточно типизированный и основательный современный, актуальный пример экспериментирования в норморайтерстве и законотворчестве [2], в рамках реитеративного концепта «лучшие правила» (англ. – *Better Rules*).

В числе прочего, указанный концепт реализуется в экспериментальном порядке и в сфере экстра-правового (иного помимо права) нормативного регулирования [3].

Пришедшие на смену бумажно-документарной парадигмы контрактации парадигма и онтология смарт-контрактов предопределяет множественные перспективные изменения в экономике будущего, в тех ей частях, что отражаются парадигмами цифровой экономики [4, 5] и индустрии 4.0 [6–9].

Тема тем более представляет интерес, что в законодательстве и договорной практике России смарт-контракты уже занимают свое место. Так, в частности, высокое значение развитию этих технологий придается документами Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации «Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» 2019 г. и «Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Новые производственные технологии» 2019 г.

Упомянем также Распоряжение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 30 октября 2018 г. № 166 «О проекте рекомендации Совета Евразийской экономической комиссии „О Концепции создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического

союза и цифровой трансформации промышленности государств – членов Союза» и Соглашение об оказании информационных услуг и предоставлении электронных сервисов в сфере грузовых перевозок, утвержденное ОАО «РЖД» 18 декабря 2017 г. за № 2633/р) (ред. от 21.10.2020 г.) – в части Приложения 2.15 «Условия по предоставлению электронного сервиса мониторинга смарт-контрактов грузовых перевозок на платформе „Распределенный реестр данных“».

Этими и рядом других нормативных и договорных документов определяется стратегирование в законодательных экспериментах в России и в государствах – ее стратегических партнерах – развития комплекса технологий смарт-контрактов и их правового обеспечения.

Общее понятие и природа смарт-контракта (как гражданско-правового договора)

Важно отметить, что калька в переводе на русский – «умный контракт» не верна, она примитивизирует глубокий онтологический смысл, заложенный в понятие smart contract на языке оригинала. И нужно разбираться, объяснять. Смарт-контракты это ведь не только про цифровую валюту, возможны (в расширенном понимании) и другие предметы.

Смарт-контракт (в определенной онтологии) можно уподобить связанным договорам на две банковские ячейки, куда продавец и покупатель объекта недвижи-

Смарт-контракты часто определяются как «самоисполняющиеся контракты», которые могут быть заключены между неизвестными договаривающимися сторонами без необходимости доверять друг другу или третьей стороне, с автоматическим исполнением этих цифровых контрактов, без трудностей с интерпретацией, без затрат длительного времени на судебные споры, с гарантиями безопасности

мости закладывают, соответственно, рукописную расписку о получении средств по сделке и сами средства, доступ к которым они перекрестно получают при совершении условия государственной регистрации перехода права собственности.

Смарт-контракты часто определяются как «самоисполняющиеся контракты», которые могут быть заключены между неизвестными договаривающимися сторонами без необходимости доверять друг другу или третьей стороне, с автоматическим исполнением этих цифровых контрактов, без трудностей с интерпретацией, без затрат длительного времени на судебные споры, с гарантиями безопасности [2].

Согласно определению компании Gartner, смарт-контракт – это тип записи блокчейна, который содержит написанный извне код и контролирует цифровые активы на основе блокчейна, который при запуске определенным событием записи в цепочку блоков неизменно выполняет свой код и может привести к другому событию цепочки блоков [10]. При этом под блокчейном понимается (как один из архитектурных проектов более широкой концепции распределенных реестров) расширяющийся реестр безотзывных транзакционных записей с криптографической подписью, которыми пользуются все участники некоторой определенной сети. Каждая запись содержит отметку времени и ссылки на предыдущие транзакции. С помощью этой информации любой человек с правами доступа может проследить транзакционное событие в любой момент его истории, принадлежащее любому участнику [11].

Согласно уже упомянутому выше документу Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации «Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» 2019 г., «технологии создания и исполнения децентрализованных приложений и смарт-контрактов – совокупность методов и инструментов, направленных на создание приложений, обеспечивающих взаимодействие неограниченного количества участников распределенной системы, и на разработку, поддержание и выполнение компьютерных алгоритмов, предназначенных для автоматизации процессов исполнения контрактов. Децентрализованные приложения обладают прозрачной и открытой логикой, обеспечивающей гарантированное исполнение заданных функций в рамках систем распределенного реестра... Самоисполняемый/смарт-контракт (smart contract) – самоисполняемый в доверительной среде (созданной с использованием технологии блокчейн) контракт, заключенный напрямую между покупателем и продавцом и записанный в качестве программного кода... Блокчейн – реестр, данные в который записываются блоками таким образом, что каждый новый блок включает информацию о предыдущем блоке».

Обратимся к сути идеи смарт-контрактов и к сути их онто-правовой природы.

Если речь идет о одном крупном договоре отчуждения или приобретения человеком какого-то объекта недвижимости (может, раз в его жизни), то нет смысла ничего городить, но если онтология предпринимателя, коммерческой организации тесно связана с потоками сделок – мультимодальных контрактов, на каждом из которых идут транзакционные издержки, то вопрос оптимизации обслуживания этих потоков становится критически важным. И здесь существенно важно, что большая часть таких контрактов может быть шаблонизирована.

Как писал Ник Сабо, «контракт – это основной строительный блок рыночной экономики. На протяжении многих веков культурной эволюции возникла концепция договора и связанных с ним принципов, закодированных в общем праве. Такие развитые структуры часто непомерно дорого обходятся. Если бы мы начали с нуля, используя разум и опыт, потребовалось бы много веков, чтобы заново разработать сложные идеи, такие как договорное право и права собственности, которые заставят современный рынок работать. Но цифровая революция заставляет нас создавать новые институты в гораздо более короткие сроки. Извлекая из наших действующих законов, процедур и теорий те принципы, которые остаются применимыми в киберпространстве. Компьютеры делают возможным выполнение алгоритмов до сих пор непомерно дорогостоящим, а сети обеспечивают более быструю передачу более крупных и сложных сообщений. Кроме того, компьютерные ученые и криптографы недавно открыли много новых и довольно интересных алгоритмов. Комбинирование этих сообщений и алгоритмов делает возможным множество новых протоколов. Эти протоколы, работающие в общедоступных сетях, таких как Интернет, бросают вызов и позволяют нам формализовать и защитить новые виды отношений в этой новой среде, точно так же, как договорное право, бизнес-формы и средства контроля бухгалтерского учета давно формализовали и закрепили деловые отношения в основном на бумаге мире» [12].

Смарт-контракты, писал Ник Сабо, могут быть основаны на большом количестве интерактивных протоколов и пользовательских интерфейсов и могут быть задействованы в самых разных видах исполнения контрактов. Протоколы управления, разработанные в эпоху бумаги, основаны на статических формах, передаваемых в виде сообщений и обрабатываемых в таблицах и электронных таблицах. Средства контроля сосредоточены на деньгах и подсчете стандартизированных товаров и услуг, которые легко фиксируются числами и обрабатываются арифметикой, при этом в основном игнорируются другие виды или аспекты исполнения

контрактов. Контрольные суммы чисел, являющиеся основой для согласования, являются грубыми и поддельными по сравнению с криптографическими хэшами. Электронный обмен данными (EDI) сохраняет эти статические формы и поддерживает контроль. Он использует криптографические хэши ни для чего более сложного, чем проверка целостности отдельных сообщений [12].

Авторский концепт

С учетом сказанного, полагаем обоснованным выделять следующие существенные признаки правового смарт-контракта, онтологически существующего в автоматизированной и основанной на коде (цифровизированной) правовой реальности:

1. В основу смарт-контракта технически закладывают четко формализуемые (математически и криптографически описываемые и/или отражаемые, программируемые в среде существования смарт-контракта), мультимодальные логические условия, которые могут фиксироваться, когнитивно «схватываться» и обрабатываться компьютерно-программными способами и которые четко удерживаются настройкой криптографических протоколов (скриптов) поведения, управления и контроля, которая, в свою очередь, связана средствами верификации (как правило – средствами блокчейна). Таким образом, несоблюдение стороной контракта его условий (не осуществление предписанных контрактом бизнес-транзакций и иных связанных с этим действий) или вообще не повлечет совершения заложенных в него действий другой стороны, или сделает такое несоблюдение крайне дорогостоящим (если вообще подъемным), но в любом случае четко артикулируемым и манифестируемым.

2. Речь идет о частично или полностью самоисполняемых контрактах, что и обеспечивается криптографическими средствами и настройками. Во всяком случае, в том смысле, что их процесс реализации будет лишен промежуточных людских звеньев, предопределяющих избыточные транзакционные издержки, которые внедрение таких контрактов и призвано редуцировать. Причем автоматизация простирается так далеко, как могут принять решение лица, контролирующие конкретную платформу обеспечения онтологической среды смарт-контрактов, и как готовы принять лица, намеренные воспользоваться этой платформой для смарт-контрактов, в том числе автоматическое предписание переустановки софта (программного обеспечения), автоматическое предписание утраты силы отдельных положений, референтных старым протоколам, исчерпавших хронологические привязки и прочее.

3. Настройка криптографических протоколов (постоянных, перманентных скриптов), создающая и поддерживающая среду онтологии смарт-контрактов, позволяет (и наделена функционалами):

- обеспечивать топологию и эргономику пользовательских интерфейсов, эмулирующих (воссоздающе моделирующих) онтологию условий контракта (при этом «падение» (сбой, отказ) интерфейса не обнуляет, не уменьшает и не дезавуирует сделок и вещных или иных прав);

- отстраивать и поддерживать гарантированно-неизменные цепочки фиксации транзакций (переходов вещных прав на объекты собственности, в том числе онто-цифровые объекты, на объекты права интеллектуальной собственности, например объекты «онто-цифрового искусства» (NFT-токены – своего рода сертификаты подлинности и принадлежности), и др.); в этом смысле конкретный разовый (казуальный заключенный) смарт-контракт представляет (в устоявшемся понимании) собой понимается набор функций и данных (текущее состояние) по определенному адресу в определенном блокчейне;

- фиксированно подтверждать (демонстрировать, предоставляя сведения) вещные права на имущественные активы (цифровую валюту, объекты права интеллектуальной собственности);

- совершать в этой среде сторонам фреймированные указанными протоколами (шаблонами) сделки (в том числе массивы и цепочки сделок) с любой другой стороной – как известной, так и анонимной, без каких-либо правил членства и по умолчанию без ограничений правовых рамок, в том числе в поле экстра-правового регулирования.

Общее понятие и природа смарт-контракта как онтологического инструмента среды цифровой валюты

В этом значении понятие смарт-контракта несколько отличается от его описанного в предыдущем разделе значения, выступает его частным случаем.

По словам Роберта Уилкенса (Robert Wilkens) и Ричарда Фалка (Richard Falk), первоначально технология блокчейн использовалась только как своего рода «система хранения» или «журнал бронирования» для виртуальной валюты Биткойн (а затем и для других криптовалют). При дальнейшем развитии концепции стало возможным хранить и выполнять программный код в структуре данных блокчейна. Эти программы, известные как «умные контракты», действуют как независимые субъекты в сети, но управляются исключительно их кодом. Это позволило автоматизировать ранее определенные процессы в среде блокчейна. Поэтому

Смарт-контракты – это программы в цепочке блоков, которые работают на основе логики If-Then («если, то»), так что, когда происходит ранее определенное событие (так называемый триггер), предварительно определенное действие (например, транзакция) выполняется автоматически

в настоящее время термин смарт-контракты обычно относится к этим небольшим программам на блокчейне. Смарт-контракты – это программы в цепочке блоков, которые работают на основе логики If-Then («если, то»), так что, когда происходит ранее определенное событие (так называемый триггер), предварительно определенное действие (например, транзакция) выполняется автоматически [2].

В этом значении некоторые платформы смарт-контрактов достаточно широко уже известны – Bitcoin [13], Ethereum [14], какие-то несколько менее известны, типа NEO, EOS, Stellar, Cardano [15, с. 129].

Заключение

По словам Роберта Уилкенса (Robert Wilkens) и Ричарда Фалка (Richard Falk), любой, кто сегодня

занимается такими темами, как экономика совместного использования, Интернет вещей, LegalTech или технология блокчейн, больше не может игнорировать термин «умные контракты». Эти так называемые «интеллектуальные контракты» были у всех на слуху пять лет и связаны с многочисленными ассоциациями и ожиданиями. Часто бывает трудно отличить преувеличенную шумиху от настоящих инноваций. Потенциал, преимущества и недостатки, а также возможные варианты использования смарт-контрактов активно обсуждаются как в цифровой индустрии, так и за ее пределами. И хотя некоторые до сих пор сомневаются в том, что смарт-контракты вообще можно использовать сколько-нибудь существенно, другие уже предсказывают будущее устаревание всей правовой системы [2].

Вместе с тем, на сегодня многие компании, экспериментирующие с использованием смарт-контрактов (во всем их многообразии или в части чего-то одного), не имеют четких стратегий своего развития в этой части, а зачастую и исчерпывающе ясного понимания сценариев и последствий использования уникальных возможностей и преимуществ этого инструментария.

Есть и проблема сбоев технологических оболочек смарт-контрактов, когда, к примеру, были «утечки» значительных активов цифровой валюты Ethereum в некоторых проектах.

То есть рассматриваемые регуляторно-технологические поля еще пока на уровне, по большей части, проектирования и апробации (тестирования), пусть и продвинутого. Но тенденция уже явно имеет место.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дегтярев М. В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы / под ред. И. В. Понкина / Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Буки Веди, 2022. – 424 с.
2. Wilkens R., Falk R. Smart Contracts: Grundlagen, Anwendungsfelder und rechtliche Aspekte. – Wiesbaden (Germany): Springer, 2019. – ix; 49 p.
3. Редькина А. И. Концепция автономности в праве: особенности, функции и проблемы применения // Право и образование. 2016. № 12. С. 110–117.
4. Muller H. Future State 2025: How Top Technology Executives Disrupt and Drive Success in the Digital Economy. – Hoboken (NJ, USA): John Wiley & Sons, 2020.
5. Digital Economy: Emerging Technologies and Business Innovation: Second International Conference, ICDEc 2017 Sidi Bou Said, Tunisia, May 4–6, 2017: Proceedings / Eds.: Rim Jallouli, Osmar R. Zaïane et al. – Cham, (Switzerland): Springer, 2017. – xvi; 218 p.
6. Industry 4.0. Entrepreneurship and Structural Change in the New Digital Landscape / Editors: Tessaleno Devezas, João Leitão, Askar Sarygulov. – Cham, (Switzerland): Springer, 2017. – viii; 431 p.
7. Knowledge Management and Industry 4.0. New Paradigms for Value Creation / Editors: Marco Bettiol, Eleonora Di Maria, Stefano Micelli. – Cham, (Switzerland): Springer, 2020. – xii; 206 p.

8. Markhgeym M. V., Novikova A. E., Ponkin I. V., Redkina A. I., Tonkov E. E. Industrial Internet of Things: concept and legal consciousness, meaning for Industry 4.0 // Revista Inclusiones. – 2019, abril/junio. – Vol. 6. – Número especial. – P. 385–391.

9. Digitalization and Industry 4.0: Economic and Societal Development. An International and Interdisciplinary Exchange of Views and Ideas / Editors: Hans-Christian Brauweiler, Vladimir V. Kurchenkov, Serik Abilov, Bernd Zirkler. – Wiesbaden (Germany): Springer, 2020. – xiv; 433 p.

10. Smart Contract [смарт-контракт] / Gartner Glossary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/smart-contract> (Дата обращения: 21.08.2022).

11. Blockchain [Блокчейн] / Gartner Glossary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/blockchain> (Дата обращения: 21.08.2022).

12. Szabo N. Smart contracts. Formalizing and Securing Relationships on Public Networks [Смарт-контракты: формализация и обеспечение безопасности взаимоотношений в публичных сетях] // First Monday. 1997. Vol. 2. № 9.

13. Blockchain Technology and the Internet of Things: Challenges and Applications in Bitcoin and Security / Edited by Rashmi Agrawal, Jyotir Moy Chatterjee, Abhishek Kumar, Pramod Singh Rathore. – Palm Bay (FL, USA): Apple Academic Press, 2021. – xvii; 348 p.

14. Zheng G., Gao L., Huang L., Guan J. Ethereum Smart Contract Development in Solidity. – Singapore: Springer, 2021. – xvi; 334 p.

15. Arslanian H., Fischer F. The Future of Finance: The Impact of FinTech, AI, and Crypto on Financial Services. – Cham (Switzerland): Palgrave Macmillan, 2019. – xxi; 312 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Понкин Игорь Владиславович

(Россия, Москва), доктор юридических наук, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор, e-mail: ivponkin@msal.ru.

Дегтярев Михаил Владимирович

(Россия, Москва), кандидат юридических наук, докторант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), e-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru.

AUTHORS' DETAILS

Igor V. Ponkin

(Russia, Moscow), Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), e-mail: ivponkin@msal.ru.

Mikhail V. Degtyarev

(Russia, Moscow), Candidate of Legal Sciences, PhD (Law), doctoral student of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), e-mail: mvdegtyarev@adm.khv.ru.

УДК 346.26, 346.7

Цифровая платформа как бизнес-модель: гражданско-правовые аспекты деятельности¹

Звездина Т. М.

Аннотация: Автор на основе анализа норм права и научной дискуссии рассуждает об одном из направлений цифровой экономики – онлайн потребление (интернет-рынок), которое чаще всего происходит через специализированные электронные платформы.

В статье автор описывает экономическую, техническую и юридическую специфику предпринимательской деятельности, реализуемой с использованием цифровых платформ. Автор анализирует место цифровых платформ в структуре существующих отраслей хозяйствования и приходит к выводу о неуниверсальности такого способа ведения предпринимательской деятельности. Делается акцент на проблемах гражданско-правового регулирования трехсторонних отношений, возникающих между операторами платформ (владельцами агрегаторов), предпринимателями и потребителями товаров (услуг), реализуемых в процессе электронной коммерции, анализируются научные точки зрения о правовой квалификации договоров, заключаемых на цифровых платформах.

В статье затрагиваются вопросы правового статуса оператора платформы (владельца агрегатора) и его ответственности за нарушение договорных обязательств стороной сделки электронной коммерции, а также за причинение вреда потребителям, приводятся рассуждения о положительном опыте правового регулирования рассматриваемой сферы в КНР, делаются выводы о необходимости совершенствования отечественного правового регулирования цифровых технологических онлайн платформ.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая платформа, оператор платформы, владелец агрегатора, электронная коммерция, защита прав потребителей

Digital Platform as a Business Model: Civil and Legal Aspects of Activity²

Tatiana M. Zvezdina

Abstract: Incorporating the analysis of legal norms and scientific discussion the author argues about one of the areas of the digital economy - online consumption (online marketplace), which most often occurs through specialized electronic platforms.

The author describes the economic, technical and legal specifics of business activities implemented on digital platforms. The author analyzes the place of digital platforms in the structure of existing industries and concludes that this way of doing business is not universal. The author emphasizes the problems of civil law regulation of tripartite relations arising between platform operators (owners of aggregators), entrepreneurs and consumers of goods (services) implemented in the process of electronic commerce, and analyzes scientific points of view on the legal qualification of contracts concluded on digital platforms.

The article touches upon the legal status of the platform operator (owner of the aggregator) and their liability for the breach of contractual obligations by a party of e-commerce transactions, as well as for causing harm to consumers. Positive experience of legal regulation of the said area in China is discussed, conclusions are drawn about the need to improve the domestic legal regulation of digital technological online platforms.

Keywords: digital economy, digital platform, platform operator, aggregator owner, e-commerce, consumer protection

1 Звездина Т. М. Цифровая платформа как бизнес-модель: гражданско-правовые аспекты деятельности // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 3. С. 28–33.

2 For Reference: Tatiana M. Zvezdina. Digital Platform as a Business Model: Civil and Legal Aspects of Activity // Business, Management and Law. 2022. № 3. P. 28–33.

Цифровизация экономических отношений породила использование новых методов хозяйствования и специфических моделей ведения бизнеса, формирование так называемой экосистемы цифровой экономики, а следовательно, возникла потребность в соответствующем экономическим реалиям правовом регулировании, о чем в последние годы много пишут ученые-правоведы.

В нормах права под цифровой экономикой понимается «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» [1]. По мнению экономистов [2], цифровая экономика (начиная с 1990 г. и по настоящее время) прошла несколько стадий в своем развитии и сейчас от хаотичного перестраивания бизнес-процессов и бизнес-моделей перешла в фазу системной цифровой трансформации.

Л. В. Лapidус относит к цифровой экономике онлайн-потребление (развитие интернет-рынков), проведение транзакций, обмен информацией, сервисами, услугами, финансами через сеть Интернет [2]. Для осуществления перечисленных видов деятельности в цифровой среде широко используются коммуникационные и бизнес-структуры платформенного типа. Всем известны такие цифровые платформы как Google, Yandex, Alibaba, Airbnb, Amazon, Uber и др.

Следует согласиться, что «платформизация» представляет собой основной драйвер цифровой экономики. «В последнее десятилетие, по данным UNCTAD, во всем мире появилось множество цифровых платформ, использующих бизнес-модели, изменяющих уже существующие отрасли. ...Цифровые платформы обеспечивают механизмы для объединения множества сторон для взаимодействия в режиме онлайн» [3].

Платформа в самом простом виде может быть определена как совокупность онлайн-цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру экономической и социальной деятельности [4], и поэтому в зависимости от целей и видов деятельности, осуществляемых на технологической основе цифровой платформы, последняя в сфере предпринимательства может выступать электронной площадкой для торговли, предоставления или агрегирования различных услуг и т. п.

В литературе [5] встречается следующая классификация цифровых платформ:

- платежно-расчетные, осуществляющие финансовые операции и денежные расчеты (Alibaba, PayPal, eBay);
- информационно-интеграционные, осуществляющие предоставление IT-услуг в цифровом формате (Google, AppStore, Uber, Yandex);
- инвестиционные, осуществляющие инвестиционные проекты (SoftBank, Booking Holding Inc.);
- инновационные, осуществляющие развитие техники и технологии (Oracle, SAP, Microsoft);
- обучающие платформы (YouTube, Coursera);
- социальные платформы (сети) (VK).

Предпринимательская деятельность на основе цифровой платформы имеет свои особенности. Если электронная коммерция через сайт продавца товара или исполнителя услуги осуществляется в рамках двусторонних отношений между потребителем (в широком смысле этого понятия независимо от целей приобретения им товаров, работ, услуг) и предпринимателем, то цифровая платформа представляет собой зачастую трехстороннюю бизнес-модель, которая требует от потребителя и предпринимателя (в этом контексте термин используется в экономическом значении вне зависимости от наличия правового статуса предпринимателя у физического лица, к примеру, оказывающего услуги в режиме самозанятости или вообще без легализации) не только заключить соглашение между собой, но и взаимодействовать с оператором платформы или «владельцем агрегатора» [6]. Его основная задача заключается в создании условий для быстрого поиска и подбора контра-

Платформа в самом простом виде может быть определена как совокупность онлайн-цифровых механизмов, алгоритмы которых обслуживают организацию и структуру экономической и социальной деятельности

гента каждой из сторон заключаемой с помощью платформы сделки, посредством специальной инфраструктуры, связанной с использованием сети Интернет и, как правило, специальных мобильных приложений. У цифровой платформы есть техническая возможность оперативно соединять большое количество потребителей и предпринимателей в определенном сегменте рынка, что многократно увеличивает спрос и предложение,

а кроме того, выявляет оптимальную (рыночную) цену на тот или иной товар (работу, услугу). При этом данные о потребителях принадлежат владельцу агрегатора, а не продавцу или исполнителю услуги, кроме того, они могут в дальнейшем использоваться платформой с проактивными целями, а также использоваться повторно предпринимателями, взаимодействующими с платформой. Оператор платформы устанавливает для всех предпринимателей и потребителей единые правила сервиса, обеспечивает единство UX/UI (на сайте предпринимателя учет пользовательского опыта возможен только, как правило, на уровне навигации), а главное – в центре сервиса платформы всегда находится потребитель. В силу перечисленных причин широкое распространение получили платформы, действующие по типу Uber, а наименование компании стало во всем мире нарицательным. Сегодня указанная бизнес-модель используется не только на рынке пассажирских перевозок, но и на множестве других рынков.

Описанная выше специфика использования цифровых платформ позволяет сделать вывод, что данный способ ведения предпринимательской деятельности вряд ли является универсальным и применимым в любом сегменте рынка. Следует согласиться, что функционирование «бизнес-агрегаторов» оправдано «только на высококонкурентном рынке, где действует множество потребителей и производителей, деятельность которых можно стандартизировать», к примеру, «бизнес-агрегаторам будет очень трудно работать в тех сегментах рынков, в которых существует интенсивное государственное регулирование» [7].

А. Е. Молотников, Е. В. Архипов [8] выделяют две разновидности платформ, от функций которых зависит формирование правоотношения между потребителем и предпринимателем. Одни платформы предоставляют лишь удобный информационный сервис для поиска исполнителя услуг или продавца, которого потребитель выбирает сам, опираясь на размещенную о нем информацию, предлагаемые условия сделки, отзывы других потребителей. Вторые платформы, работающие на основе бизнес-модели Uber, самостоятельно осуществляют подбор заказчиком услуг конкретных исполнителей, а также сами устанавливают цены на услуги исполнителей.

В любом варианте владельцы агрегаторов выполняют посреднические функции, поэтому их деятельность опосредуют две группы договорных отношений, первая основывается на договорах, заключаемых с предпринимателями/потребителями по поводу выполняемых агрегаторами функций (оказываемых услуг), вторая группа – это непосредственно сделки электронной

коммерции, заключаемые с помощью сервиса цифровой платформы.

В юридической литературе аспекты гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности на основе цифровых платформ порождают научную дискуссию, основным вопросом которой является: существует ли возможность обосновать природу возникающих правоотношений исходя из существующих договорных конструкций и регулировать возникающие правоотношения в соответствии с существующими нормами права, либо необходимо специальное правовое регулирование, отличное от имеющегося, например, принятие специального закона об электронной коммерции?

По поводу договора, регулирующего взаимоотношения с владельцами агрегаторов, учеными высказываются различные мнения, например, что это договор оказания услуг по информационному обеспечению [9], организационный договор [10], агентский договор [11]. Достаточно подробно вопрос договорного регулирования отношений с участием владельца агрегатора исследует в своей статье А. А. Иванов [7], где он моделирует несколько возможных вариантов, в которых сделки электронной коммерции (купля-продажа, аренда, подряд, услуги и т. д.) заключаются на платформе на основе заключения той или иной стороной сделки с владельцем агрегатора различных типов договоров: поручение, комиссия, агентирование, договор оказания услуг, при этом указывая на плюсы и минусы каждой модели. Кроме того, автор также пытается обосновать применение в данном случае *suī generis*, так как особенностью сделок, заключаемых онлайн при помощи различных цифровых сервисов, является «возможность одновременно согласовывать множественные волеизъявления контрагентов (трех и более), которые приобретают новое качество, выходя за рамки волеизъявлений по двусторонним договорам» [7].

Сложная правовая природа отношений, возникающих в рамках цифровой платформы с участием владельца агрегатора, порождает вопросы, связанные с гражданско-правовой ответственностью перед потребителем за надлежащее исполнение договора, заключенного с использованием соответствующей платформы. По причине того, что правовое положение владельца агрегатора во многом остается не урегулированным, это позволяет ему в большинстве случаев избегать ответственности за нарушение договорных обязательств стороной сделки электронной коммерции, а также за причинение вреда потребителям.

Закон о защите прав потребителей закрепляя определение понятия владелец агрегатора, указывает, что речь идет о владельце сайта или приложения, а также

что владелец агрегатора вступает с потребителем в непосредственные отношения из договора, т. к. получает предварительную оплату за товар. Как отмечается отдельными авторами в литературе, закрепленное в Законе о защите прав потребителей определение позволяет говорить о том, что владелец агрегатора является исполнителем услуг по информационному обеспечению [9], так как он обеспечивает потребителю возможность ознакомиться с характеристиками товара или услуги, которые владельцу агрегатора не принадлежат [12]. С учетом такого понимания роли владельца агрегатора в гражданском обороте сконструированы и нормы об его ответственности в статье 12 указанного закона:

- за исполнение договора по общему правилу перед потребителем отвечает продавец (исполнитель), а не владелец агрегатора (п. 2.1);
- владелец агрегатора отвечает за недостоверность информации, если он вносил в нее изменения (п. 2.1);
- потребитель вправе предъявить требование к владельцу агрегатора о возврате суммы произведенной им предварительной оплаты товара (услуги), при условии, что товар не передан (услуга не оказана) в срок, в связи с чем потребитель отказался от договора (п. 2.2).

Не все исследователи согласны с таким скудным перечнем оснований гражданско-правовой ответственности владельца агрегатора. Е. Д. Суворов [12] опровергает квалификацию владельца агрегатора исключительно в качестве лица, оказывающего услуги по информированию потребителя с целью заключения им сделок электронной коммерции, приводя достаточную аргументацию в пользу ответственности агрегатора перед потребителем за ненадлежащее исполнение или неисполнение самого договора электронной коммерции, задаваясь лишь вопросом о том, по какой модели должна применяться такая ответственность (непосредственно, как к стороне договора, или субсидиарно).

Правоприменительная практика судов относительно квалификации деятельности операторов цифровых платформ с точки зрения их ответственности перед потребителями нашла свое отражение в выводах высшей судебной инстанции [13] применительно к транспортным агрегаторам, например, агрегаторы такси могут отвечать за вред, причиненный пассажиру при перевозке, в двух случаях (п. 18):

- владелец агрегатора заключил договор от своего имени;
- добросовестный потребитель, исходя из информации на сайте агрегатора и иных обстоятельств, мог посчитать, что заключает договор перевозки напрямую с владельцем агрегатора.

Примечательным в этой связи является решение Европейского суда (ЕС) от 20 декабря 2017 г. о том, что «услуга Uber, заключающаяся в соединении посред-

Цифровые платформы в современной экономике являются технологическими центрами, вокруг которых образуются предпринимательские объединения, формируя необходимую для функционирования платформы бизнес-экосистему и осуществляя скоординированную деятельность для достижения общего положительного результата способами, выходящими за рамки возможностей каждого предпринимателя в отдельности

ством приложения непрофессионального водителя, использующего свой собственный автомобиль, с лицом, желающим использовать автомобиль Uber, должна рассматриваться как транспортная услуга, а не услуга информационного общества. Суд обосновал свое решение тем, что Uber предоставляет не только посреднические услуги, но и одновременно услуги городского транспорта, которые он обычно организует с использованием онлайн компьютерных программных средств» [5].

А. П. Алексеенко, анализируя положения Закона КНР «Об электронной коммерции» в части регулирования статуса владельца агрегатора, приходит к выводу, что согласно законодательству КНР компании-агрегаторы понимаются в качестве организаторов гражданского оборота, т. к. согласно статье 9 рассматриваемого закона предоставляют «в области электронной торговли двум или нескольким сторонам возможность торговать услугами, вести деятельность интернет-магазинов, осуществлять поиск продавцов и покупателей, раскрывать информацию, чтобы они могли самостоятельно вести торговую деятельность» [14]. Другими словами, законодатель КНР рассматривает функции операторов цифровых платформ шире нежели отечественный. В связи с чем к ним предъявляются особые требования, направленные на обеспечение прав и интересов сторон, между которыми заключаются сделки, а также установлены обязанности по обеспечению кибербезопасности и стабильной работы платформы,

предотвращения незаконной и преступной деятельности в Интернете [14]. Отечественному законодательству стоит изучить опыт правового регулирования электронной коммерции в Китае, т. к. данная страна является мировым лидером цифровизации и электронной торговли, например, такая китайская цифровая платформа как Alibaba относится к трансграничным гигантам и объединяет международные розничные и оптовые маркетплейсы, цифровые медиа и развлечения, финансовые и иные услуги.

В литературе высказывается любопытная позиция, что в настоящее время «происходит формирование новых субъектов гражданского оборота – цифровых технологических (онлайн) платформ (цифровых корпораций)» [5]. Возможно, она не является бесспорной, однако стоит признать, что цифровые платформы в современной экономике являются технологическими центрами, вокруг которых образуются предпринимательские объединения, формируя необходимую для

функционирования платформы бизнес-экосистему и осуществляя скоординированную деятельность для достижения общего положительного результата способами, выходящими за рамки возможностей каждого предпринимателя в отдельности.

Таким образом, активное развитие платформенной экономики, безусловно, требует совершенствования правового регулирования в этом направлении, не случайно отдельные авторы [15] рассуждают о пути становления и развития так называемого «платформенного права». Более детального регулирования отечественным правом требуют не только правовой статус оператора платформы и вопросы его гражданско-правовой ответственности, о чем речь шла выше, но и условия конкуренции на рынках цифровых платформ. Несмотря на то, что проблема антимонопольного регулирования рассматриваемых отношений осталась за рамками настоящей статьи, она является не менее острой и обсуждаемой [16, 17].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Подпункт р) пункта 4 Указа Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС Консультант Плюс.
2. Лапидус Л. В. Что такое цифровая экономика и Индустрия 4.0? Принципы трансформации и перспективы для бизнеса. Перспективы развития электронного бизнеса и электронной коммерции. Материалы IV Межфакультетской научно-практической конференции молодых ученых. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. С. 4–15.
3. Карцхия А. А. Цифровые корпорации в новом качестве управления // Гражданское право. 2020. № 4. С. 22–26.
4. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107–120.
5. Карцхия А. А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25–28.
6. Абзац 12 преамбулы Закона РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СПС Консультант Плюс.
7. Иванов А. А. Бизнес-агрегаторы и право // Закон. 2017. № 5. С. 145–156.
8. Молотников А. Е., Архипов Е. В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38–47.
9. Дерюгина Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора // Гражданское право. 2018. № 6. С. 3–6.
10. Бычков А. Посредничество при оказании юридических услуг: практика, риски, перспективы // Новая бухгалтерия. 2016. № 9. С. 130–143.
11. Рожкова М., Кузнецова Л. Об ответственности агрегаторов в контексте понимания их деятельности как агентирования // Хозяйство и право. 2019. № 1. С. 27–34.
12. Суворов Е. Д. Некоторые проблемы электронной торговли: к вопросу об ответственности владельцев агрегаторов перед потребителями // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 9. С. 57–67.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» // СПС Консультант Плюс.
14. Алексеенко А. П. Регулирование деятельности электронных платформ по Закону КНР «Об электронной коммерции» // Юрист. 2020. № 7. С. 62–68.

15. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94.

16. Петров А. В. Сетевые эффекты и недобросовестная конкуренция на рынках цифровых платформ: дело Avito против Auto.ru // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 43–50.

17. Алексеенко А. П. Китайский подход по противодействию антиконкурентным соглашениям и злоупотреблению доминирующим положением платформ электронной коммерции // Юрист. 2021. № 8. С. 72–77.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Звездина Татьяна Михайловна

(Россия, Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, e-mail: zvezdinatamix@gmail.com.

AUTHOR'S DETAILS

Tatiana M. Zvezdina

(Russia, Yekaterinburg), Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Business Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: zvezdinatamix@gmail.com.

Единый энергетический фонд Российской Федерации как основа энергетической безопасности страны¹

Шафир А. М.

Аннотация: Важнейшим экономическим и юридическим инструментом для решения задач, поставленных утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. №216 Доктриной энергетической безопасности, может стать создание в Российской Федерации Единого энергетического фонда РФ (ЕЭФ РФ).

Концепция формирования единого энергетического фонда как имущественного экономико-правового образования впервые была в общем виде сформулирована в 90-х годах прошлого века применительно к сложившейся в СССР системе управления топливно-энергетическим комплексом (далее – ТЭК) страны и разрабатываемым в СССР топливно-энергетическим балансам (ТЭБ).

Несмотря на то, что настоящее время действующее законодательство рассматривает ТЭБ в основном как документы рекомендательного характера, объективные факторы, на основе которых были сделаны вышеизложенные выводы, существовали и продолжают существовать, ибо в их основе лежат базисные технико-технологические и обусловленные ими экономические характеристики процессов производства и потребления энергоресурсов.

Объективная специфика ТЭК находит в составляемых в отрасли топливно-энергетических балансах, которые можно характеризовать в качестве экономико-правовой формы организации и регламентации технико-технологического процесса перехода энергоресурса как материальной формы в энергию как работу. Топливо-энергетические балансы, в свою очередь, являются основой формирования энергофондов тех или иных субъектов хозяйствования.

В Российской Федерации имеется тенденция для формирования Единого энергетического фонда РФ и аналогичных ему энергофондов других субъектов как организационно-экономической структуры, функционирующей в форме топливно-энергетических балансов, составляемых и утверждаемых на различных объектном и субъектном уровнях.

Энергетические фонды на современном этапе развития законодательства – это находящийся в стадии формирования правовой институт, опосредствующий экономические отношения, возникающие в результате составления, принятия и исполнения топливно-энергетических балансов производства, распределения и потребления энергоресурсов на различных субъектных уровнях (общероссийском, региональном, предпринимательском), топливно-энергетические балансы являются экономико-правовой формой существования энергетических фондов.

Имеющееся в сфере энергетики тесное переплетение публично-правовых (внерыночных) и частноправовых (рыночных) отношений, обусловленное как спецификой производства – передачи – потребления – управления энергоресурсов, так и спецификой опосредствуемых ими технико-технологических и экономических отношений, объективно требует наличия правового механизма согласования этих разнородных отношений, коим в идеале может стать энергетическое право как отрасль, важную составную часть которой должны занять нормы об энергетической безопасности.

Глубинными признаками энергетического права как комплексной отрасли, являются органическое переплетение отношений равенства с отношениями власти и подчинения.

Аргументом, обосновывающим концепцию существования энергетического права как самостоятельной отрасли права, является идея энергофондов, особенно Единого энергетического фонда РФ в качестве основы формирования и функционирования энергетического права.

Ключевые слова: energy security doctrine, Unified Energy Fund of the Russian Federation (UEF RF), Fuel and Energy Balances, Energy Law, Synergy Effect. доктрина энергетической безопасности, Единый энергетический фонд Российской Федерации (ЕЭФ РФ), Топливо-энергетические балансы, Энергетическое право, Синергетический эффект

¹ Ссылка для цитирования: Шафир А. М. Единый энергетический фонд российской федерации как основа энергетической безопасности страны // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 3. С. 34–43.

Unified Energy Fund of the Russian Federation as the basis of the country's energy security¹

Aleksandr M. Shafir

Abstract: The most important economic and legal tool for solving the tasks set by the Energy Security Doctrine approved by Presidential Decree No. 216 of May 13, 2019, could be the creation of the Unified Energy Fund of the Russian Federation (UEF RF) in the Russian Federation.

The concept of formation of the Unified Energy Fund as a property economic and legal entity was for the first time generally formulated in the 90s of the last century in relation to the established in the USSR system of fuel and energy complex management (hereinafter – FEC) of the country and the fuel and energy balances (FEB) developed in the USSR.

Despite the fact that the current legislation considers FEB mainly as documents of recommendatory nature, objective factors, based on which the above conclusions were made, existed and continue to exist, because they are based on the basic technical, technological and economic characteristics of the production processes and consumption of energy resources.

The objective specifics of the fuel and energy complex are found in the fuel and energy balances drawn up in the industry, which can be characterized as an economic and legal form of organization and regulation of the technical and technological process of transition of energy resources as a material form into energy as a work. Fuel and energy balances, in turn, are the basis for the formation of energy funds of various economic entities.

In the Russian Federation there is a tendency for the formation of the Unified Energy Fund of the Russian Federation and similar energy funds of other subjects as an organizational and economic structure, functioning in the form of fuel and energy balances, drawn up and approved at various object and subject levels.

Energy funds at the current stage of legislative development are a legal institute, which is in its stage of formation. It mediates economic relations arising from the preparation, adoption and execution of fuel and energy balances of production, distribution and consumption of energy resources at various subject levels (all-Russian, regional, business). Fuel and energy balances are economic and legal form energy funds existence.

Close current intertwining of public-law (non-market) and private-law (market) relations in the energy sector (due to both the specifics of production – transfer – consumption – management of energy resources and the specifics of technical and economic relations mediated by them objectively) requires a legal mechanism for harmonizing these diverse relations, which ideally could be energy law as a branch, an important part of which should incorporate the rules of energy security.

Deep attributes of energy law as a complex branch are organic intertwining of equality relations with relations of power and subordination.

The argument justifying the concept of the existence of energy law as an independent branch of law is the idea of energy funds, especially the Unified Energy Fund of the Russian Federation as the basis for the formation and functioning of energy law.

Keywords: energy security doctrine, Unified Energy Fund of the Russian Federation (UEF RF), fuel and energy balances, energy law, synergy effect

Согласно п. 17 утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 Доктрины энергетической безопасности рисками в области энергетической безопасности, связанными с внутренними вызовами и угрозами энергетической безопасности, являются: несогласованное развитие отраслей топливно-энергетического комплекса и видов деятельности в сфере энергетики, включая экспорт продукции и услуг организаций топливно-энергетического комплекса, в условиях ограниченного государственного контроля и регулирования, а также нерациональное потребление энергоресурсов.

По мнению российских ученых развитие России во многом зависит от обеспечения энергетической

безопасности, так как энергетика, являясь основой современной технократической цивилизации, определяет темпы, структуру и устойчивость развития страны [1–4].

Важнейшим экономическим и юридическим инструментом для решения задач, поставленных Доктриной энергетической безопасности, может стать создание в Российской Федерации Единого энергетического фонда РФ (ЕЭФ РФ).

Концепция формирования единого энергетического фонда как имущественного экономико-правового образования впервые была в общем виде сформулирована нами в 90-х годах прошлого века применительно к сложившейся в СССР системе управления

1 For References: Aleksandr M. Shafir. Common Energy Fond of the Russian Federation as the base of Country's Energy Security // Business, management and law. 2022. № 3. P. 34–43.

топливно-энергетическим комплексом (далее – ТЭК) страны и разрабатываемым в СССР топливно-энергетическим балансам [5, с. 132–136]. На тот момент существовали не только объективные технико-технологические и экономические факторы, которые, безусловно, имеются и сейчас, но и субъективные факторы в виде нормативной базы по разработке и утверждению топливно-энергетических балансов (далее – ТЭБ) как директивных, обязательных для исполнения документов, достаточные для выводов о формировании и функционировании ЕЭФ СССР, а также энергофондов иных субъектов хозяйствования как ТЭК, так и других отраслей.

Несмотря на то, что настоящее время отмеченные выше субъективные факторы во многом отсутствуют, ибо действующее законодательство рассматривает ТЭБ в основном как документы рекомендательного, информационно-статистического характера, объективные факторы, на основе которых были сделаны вышеизложенные выводы, существовали и продолжают существовать, ибо в их основе лежат базисные технико-технологические и обусловленные ими экономические характеристики процессов производства и потребления энергоресурсов.

Системообразующим фактором деления общественного материального производства на крупные виды деятельности все в большей степени становится уже не только и не столько специфичность используемых средств производства и однородность технологических процессов, сколько специфичность конечного продукта деятельности данного интегрированного в масштабах страны производственного образования, направленного на удовлетворение конечных материальных потребностей производства [6]. Подобная тенденция прослеживается и в топливно-энергетическом комплексе, где в ее основе лежит единство конечной цели отраслей ТЭК, заключающейся в обеспечении потребителей энергоресурсами, обладающими общей потребительной стоимостью – свойством энергоносителя и взаимозаменяемости. Рынок энергии складывается в процессе функционирования топливно-энергетического комплекса страны как системы связанных энергетических отраслей, предприятий и организаций, имеющих в своей основе единство выполняемых ими функций по поиску, разведке, добыче (производству), переработке, преобразованию, хранению, транспортированию, распределению и потреблению энергоносителей и энергетических ресурсов, с целью обеспечения потребностей населения и экономики страны энергетическими ресурсами. ТЭК – приоритетная отрасль народного хозяйства, важнейший элемент экономики, экономический интегратор страны [7, с. 160–161].

Являющиеся продукцией электроэнергетики, атомной и топливной промышленности, включающей нефтяную, газовую, сланцевую и торфяную промышленность, энергоресурсы есть не что иное как материальный носитель энергии, переводимой в составляемых в процессе планирования деятельности субъектов ТЭК топливно-энергетических балансах в условное топливо как единицу измерения количества энергии в конкретном энергоресурсе. Именно энергоресурсы, представляющие собой носители различного вида энергии, определяют специфику общественных отношений, предметом которых является энергия [8, с. 7, 11].

Принципиальное отличие продукции ТЭК от продукции других отраслей народного хозяйства заключается в том, что в последних экономические отношения с потребителями складываются по поводу передачи продукции, а в ТЭК – по поводу ее работы, которую содержащаяся в продукции (ресурсе) энергия производит в момент ее потребления. Будучи потребленной, энергия прекращает свое существование, вернее, преобразуется, превращаясь в работу машин, свет, тепло и другие явления. Энергия – это запас работы, мощность – это скорость произведения работы [7, с. 97, 140].

Производственный цикл предприятий ТЭК по производству ресурсов распространяется на сферу потребления субъектов хозяйствования, приобретающих эту продукцию. Степень такого распространения является большей (в отношениях по снабжению через присоединенную сеть, где между производством и потреблением имеется непосредственная взаимосвязь и взаимозависимость в форме физических цепей [9]) или меньшей (в отношениях по поставке энергоресурсов, где отмеченной прямой взаимосвязи как таковой нет).

Свое внешнее выражение отмеченная объективная специфика ТЭК находит в составляемых в отрасли топливно-энергетических балансах, которые можно характеризовать в качестве экономико-правовой формы организации и регламентации технико-технологического процесса перехода энергоресурса как материальной формы в энергию как работу. Топливо-энергетические балансы, в свою очередь, являются основой формирования энергофондов тех или иных субъектов хозяйствования, причем, тот факт, что энергетические балансы составляются на предприятиях не только ТЭК, но также и других отраслей народного хозяйства – потребителей энергоресурсов, только подтверждает отмеченную выше связь производства и потребления энергоресурсов.

Топливо-энергетические балансы, составляемые в процессе функционирования субъектов ТЭК, дают возможность решить главную задачу отрасли – обеспечить в процессе их составления и реализации полное

количественное соответствие (равенство) за планируемый период между расходом и приходом энергии и топлива всех видов в энергетическом хозяйстве.

Для этого при составлении топливно-энергетических балансов используется понятие «условное топливо» как физическая мера приведения различных видов энергоресурсов в единый эквивалент содержащейся в них энергии. Условное топливо есть, по сути дела, единица определения количества физического перехода, трансформации энергоресурса в энергию при потреблении энергоресурса его получателем.

Важной особенностью топливно-энергетических балансов является то, что они направлены на регламентацию деятельности не только субъектов ТЭК, но и субъектов предпринимательства всех других отраслей народного хозяйства в сфере потребления ими энергоресурсов. По своей правовой форме топливно-энергетический баланс – это той или иной директивной силы документ, предусматривающий не только источники производства энергоресурсов, но также порядок и условия их потребления субъектами предпринимательства других отраслей.

Учет при планировании производства энергоресурсов процесса (объема, способов) их потребления пользователями имеет место при составлении топливно-энергетических балансов всех уровней и обусловлен непосредственным воздействием процесса потребления энергоресурсов на процесс их производства и передачи, а также иными факторами, среди которых выделяется исчерпаемость энергоресурсов и связанная с этим необходимость их рационального использования. В итоге, топливно-энергетический баланс разрабатывается как документ, регламентирующий не только объемы производства энергоресурсов, но также порядок и условия их потребления, включая централизованный (государственный) и коммерческий (предпринимательский) контроль за этой сферой деятельности потребителя ресурсов.

В литературе отмечалось, что производственный процесс энергетики в масштабах одной отрасли в отличие от отраслей промышленности, где процесс производства и реализации продукции может быть отдален по времени, охватывает обе сферы экономической деятельности общества – сферу производства и сферу обращения. Обеспечение процесса производства и реализации энергии входит в обязанности одной отрасли и включает всю технологическую цепочку: производство – передача – распределение – реализация продукции. Хотя передача, распределение и потребление энергии входят в сферу обращения, но по технологическим функциональным особенностям эти процессы энергетики являются производственными и продолжают процесс

производства энергии в сфере обращения, без них не может быть создана энергетическая продукция. Производственный процесс передачи и распределения энергии является следующим звеном между производством и потреблением продукции. Конечная производственная цель всех предприятий энергетической отрасли – единое обеспечение потребителей энергетическими ресурсами. Продукцией энергетики является количество реализованной электрической и тепловой энергии [10, с. 5–6]. В отличие от других отраслей в электроэнергетике рассчитывается себестоимость единицы не произведенной, а отпущенной продукции (электроэнергии или тепла), для электростанций – с шин станции, для снабжающих организаций – полезно отпущенной потребителям [11]. Соответственно, и конечной задачей топливно-энергетических балансов является обеспечение потребления энергоресурсов их получателем в необходимом объеме и качестве.

Таким образом, основной целью составления топливно-энергетических балансов является прямое энергетическое

Основной целью составления топливно-энергетических балансов является прямое энергетическое планирование деятельности предприятий отраслей ТЭК, включая сегмент энергопотребления предприятиями других отраслей

ческое планирование деятельности предприятий отраслей ТЭК, включая сегмент энергопотребления предприятиями других отраслей, что, как отмечалось в литературе, с провозглашением на постсоветском пространстве курса на переход к рыночным отношениям во многом утратило свои позиции. Это усугубило экстенсивную направленность использования природно-ресурсной базы и бесконтрольное повышение энергоемкости экономики [7, с. 177–179].

Если обратиться к имеющемуся опыту подготовки ТЭБ, то разрабатываемый в Советском Союзе единый баланс топливно-энергетических ресурсов позволял планировать удовлетворение потребностей населения и экономики в энергоресурсах, решать вопросы загрузки производственных мощностей ТЭК. С упразднением централизованной системы распределения ресурсов и переходом к рыночным отношениям роль баланса как системного документа свелась к минимуму [12]. В экономической литературе отмечалось, что несмотря на то,

что в условиях рыночной экономики ТЭБ потерял свою директивность, необходимо восстановить уровень внимания государства к его расчету, т. к. его актуальность в наше время даже возросла. Важнейшей проблемой, которую необходимо решить, является отсутствие законодательного оформления расчета и утверждения ТЭБ на федеральном уровне, ибо пока баланс является только статистическим документом [13].

Определяющую, главенствующую роль в системе топливно-энергетических балансов имеет единый топливно-энергетический баланс. В литературе практически общепризнано, что основой методического подхода к анализу потенциала экономии энергии и к разработке комплексных долгосрочных программ повышения энергоэффективности является использование единого (сводного) топливно-энергетического баланса (ЕТЭБ). Для целей разработки комплексной долгосрочной программы энергосбережения и повышения энергоэффективности на федеральном и региональном уровнях необходимо формирование ЕТЭБ с детальным представлением потребления энергии на производство отдельных видов продуктов, работ, услуг, процессов и энергетических услуг с разбивкой по отдельным видам энергоносителей [14].

В СССР составлялся, утверждался и имел силу директивного документа Единый топливно-энергетический баланс (ЕТЭБ) страны. По своему содержанию – это документ в форме таблицы, интегрирующий все однопродуктовые энергетические балансы в один и отражающий их в единых энергетических единицах – условном топливе, нефтяном эквиваленте, джоулях и т. п. ЕТЭБ показывает формирование предложений всех видов энергоресурсов, преобразование одних энергоресурсов в другие и конечное потребление энергии, при его составлении учитывается взаимосвязь и взаимозависимость потребления энергии от технологии ее производства и графиков энергоснабжения [14, с. 17–19]. В литературе отмечалось, что в советский период накоплен фундаментальный опыт стратегического планирования в энергетике – в то время разрабатывались комплексные энергетические планы и программы, не имеющие, по мнению специалистов, сейчас аналогов по эффективности своей реализации. С провозглашением курса на переход к рыночным отношениям энергетическое планирование на постсоветском пространстве во многом утратило свои позиции. Отказ от прямого энергетического планирования привел в определенной степени к утрате целей регулирования энергетической отрасли, в том числе, сегмента энергопотребления, что усугубило экстенсивную направленность использования природно-ресурсной базы и бесконтрольное повышение энергоемкости экономики [7, с. 394–400].

Фактически разработка и утверждение ЕТЭБ СССР означали формирование в масштабах страны Единого энергетического фонда страны как специфического имущественного фонда производства и потребления энергоресурсов, управляемого на централизованном, государственном уровне публично-правовыми, а на хозяйственном, предпринимательском уровне – частноправовыми механизмами. ЕЭФ СССР не являлся конкретным материальным образованием, ибо таковым он не признавался ни в законодательстве, ни на практике, он был, скорее, лишь организационной формой экономического обособления всех видов, используемой в народном хозяйстве энергии с той или иной детализацией видов энергоресурсов, объектов, субъектов и целей использования. Аналогичные формы имелись и в хозяйственных организациях: на предприятиях составлялись топливно-энергетические балансы, которые по аналогии с выше сделанными в отношении ЕТЭБ выводами, можно квалифицировать как правовую форму выделения специального имущественного фонда – энергофонда предприятия [5, с. 132–136].

Органами административно-правового управления субъектами ЕЭФ СССР на практике являлись Центральные диспетчерские управления (ЦДУ) Единой энергетической системы СССР и Единой системы газоснабжения СССР, в состав которых входили также и органы государственного контроля за использованием энергоресурсов [15, с. 174]. Органом управления энергофонда предприятия являлся сам субъект хозяйствования, но не только – ряд полномочий по управлению энергоресурсами предприятия имели и органы государственного контроля и управления.

Таким образом, в СССР на определенном организационном и экономико-правовом уровне, пусть и недостаточном для полноценного признания его обособленным и имущественным, формировался Единый фонд энергоресурсов страны. В основе формирования ЕЭФ СССР и энергофондов других субъектов лежали составляемые и утверждаемые в установленном действовавшим в тот период законодательством порядке топливно-энергетические балансы разных уровней и различной директивной степени обязательности.

Если же говорить об уровне директивности топливно-энергетического баланса отдельного субъекта предпринимательства, то он, по сути дела, на порядок выше степени обязательности топливно-энергетических балансов страны в целом, отраслей и регионов, ибо первый – это локальный нормативный акт, обязательный для исполнения субъектом предпринимательства, а вторые носят, в основном, информационный и рекомендательный характер. Топливо-энергетический баланс

субъекта предпринимательства в систему общеобязательных нормативных актов по определению не входит. Однако, энергофонд субъекта предпринимательства формируется именно на основании указанного локального нормативного акта и отражается в бухгалтерской отчетности субъекта. В данной ситуации имущественный характер энергофонда субъекта предпринимательства имеет более явственный организационно и документально оформленный экономико-правовой характер, чем энергофонды более высокого уровня.

ТЭБ субъекта предпринимательства формируется из конкретных видов энергоресурсов и их объемов, которые субъект планирует получить и потребить путем использования или распоряжения ими. Энергетический баланс представляет собой комплексную характеристику расходов энергии и их покрытия при определенных параметрах энергоносителей и энергоснабжающих установок. Исходной информацией при составлении и анализе энергетических балансов субъектов предпринимательства являются показатели использования энергии, технические и энергетические характеристики энергоиспользующего оборудования; технико-экономические характеристики энергоносителей [16].

Топливо-энергетический баланс субъекта, получающего энергоресурсы от субъектов отраслей ТЭК – это, по сути дела, проявление объективной связи производства и потребления энергоресурсов, в определенной степени, «обратная сторона» этой связи, связь с производством энергоресурсов со стороны их потребления. При составлении ТЭБ субъекта предпринимательства учитывается взаимосвязь энергетики этого субъекта с технологией производства и графиками энергоснабжения региона, в котором это предприятие функционирует [16].

Есть основания утверждать, что в Российской Федерации имеется тенденция для формирования Единого энергетического фонда РФ и аналогичных ему энергофондов других субъектов как организационно-экономической структуры, функционирующей в форме топливо-энергетических балансов, составляемых и утверждаемых на различных объектном и субъектном уровнях.

Для характеристики понятия ЕЭФ РФ и других энергофондов на нынешнем этапе их законодательного регулирования можно использовать характеристику, данную П. Г. Лахно в отношении топливо-энергетического комплекса страны, как объекта правового регулирования энергетического законодательства. Он характеризовал ТЭК, и это, по нашему мнению, можно в значительной степени отнести к современной ситуации с характеристикой понятия ЕЭФ РФ и энергофондов иных уровней, как собирательное обобщающее

понятие, не отличающееся необходимой степенью организационной формализации и поэтому на сегодняшний день являющееся более организационно-экономическим, управленческим нежели правовым понятием. Тем не менее о топливо-энергетическом комплексе и, как мы считаем, о ЕЭФ РФ и иных энергофондах, можно говорить, как об определенной организационной структуре, закрепляемой, но юридически четко не определяемой в законодательстве, структуре, существенно влияющей на организацию и осуществление предпринимательской деятельности в данной сфере [7, с. 161]. В СССР, как отмечалось, имелись большие основания признавать энергофонды также и правовыми понятиями в силу директивности составления и обязательности исполнения топливо-энергетических балансов, в форме которых, как правило, существуют энергофонды. В РФ в силу отсутствия такой обязательности в отношении исполнения ТЭБ, их вряд ли на данном этапе

Есть основания утверждать, что в РФ имеется тенденция для формирования Единого энергетического фонда РФ и аналогичных ему энергофондов других субъектов как организационно-экономической структуры, функционирующей в форме топливо-энергетических балансов, составляемых и утверждаемых на различных объектном и субъектном уровнях

можно считать не только экономической, но и правовой формой существования энергофондов.

Из изложенного можно сделать вывод, что энергетические фонды на современном этапе развития законодательства – это находящийся в стадии формирования правовой институт, опосредствующий экономические отношения, возникающие в результате составления, принятия и исполнения топливо-энергетических балансов производства, распределения и потребления энергоресурсов на различных субъектных уровнях (общероссийском, региональном, предпринимательском). Иными словами, топливо-энергетические балансы являются экономико-правовой формой существования энергетических фондов.

ЕТЭБ РФ как основополагающий нормативно-технический документ не препятствует, а предполагает

разработку и существование системы топливно-энергетических балансов иных субъектов – от ТЭБ регионов до ТЭБ субъектов предпринимательства. При этом, последние, по своей сути, это составная часть единого топливно-энергетического баланса страны, а энергофонд субъекта хозяйствования – составная часть единого энергофонда страны. Именно через топливно-энергетические балансы и формирующиеся на их основе энергофонды осуществляется и проявляется взаимосвязь и взаимозависимость производства энергоресурсов отраслями ТЭК и их потребления субъектами предпринимательства других отраслей.

Имеющееся в сфере энергетики тесное переплетение публично-правовых (внерыночных) и частноправовых (рыночных) отношений, обусловленное как спецификой производства – передачи – потребления – управления энергоресурсов, так и спецификой опосредствованных ими технико-технологических и экономических отношений, объективно требует наличия правового механизма согласования этих разнородных отношений, коим в идеале может стать энергетическое право как отрасль, важную составную часть которой должны занять нормы об энергетической безопасности.

Взаимосвязь производства и передачи, а также передачи и потребления энергоресурсов при определяющей роли последнего в условиях централизованного оперативно-диспетчерского управления режимом снабжения, дают синергетический эффект в форме органического взаимодействия публично- и частноправовых отношений в отношениях по энергоснабжению.

Глубинными признаками энергетического права как комплексной отрасли, являются органическое переплетение отношений равенства с отношениями власти и подчинения. При этом вторые выступают как обязательная составляющая, элемент энергетических отношений. Отношения власти и подчинения – это органически присущий им элемент организации, управления энергетическими отношениями, выступающий как в форме оперативно-диспетчерского управления (ОДУ) процессами энергоснабжения, так и в форме контроля государственных органов за надлежащим использованием потребителем получаемых энергоресурсов. Специфика публично-правовых отношений в сфере энергоснабжения заключается в их «внедрении» в отношения частноправовые, до степени органического взаимодействия и функционирования как единого целого.

Невозможность разделения энергетики как единой функционирующей технико-технологической и экономической системы производства, распределения, потребления и управления процессом энергоснабжения – одна из главных причин органического единства

комплексной отрасли энергетического права. Федеральные энергетические системы, куда входят: электроэнергетическая система, система газоснабжения, системы нефтеобеспечения и нефтепродуктообеспечения, система углеобеспечения, как имущественно- производственные комплексы, состоящие из технологически, организационно и экономически взаимосвязанных и централизованно управляемых производственных и иных объектов, предназначенных для добычи, транспортировки, хранения и поставок энергоресурсов, являются главными интеграторами страны, важнейшим фактором обеспечения энергетической безопасности государства, укрепления экономической и политической интеграции страны. В п. 5 Доктрины энергетической безопасности отмечается, что энергетика Российской Федерации, основой которой является топливно-энергетический комплекс, вносит значительный вклад в национальную безопасность и социально-экономическое развитие страны. Топливо-энергетический комплекс Российской Федерации включает в себя нефтяную, газовую, угольную и торфяную отрасли, электроэнергетику и теплоснабжение, играет ключевую роль в формировании доходов бюджетной системы Российской Федерации.

Управление перечисленными процессами энергоснабжения – это объективная реальность. Субъектами управления могут быть как орган государственной власти, так и коммерческая организация (госорган в коммерческих отношениях действует как субъект хозяйствования). В первом случае управление основывается на административно-правовых отношениях власти и подчинения, во втором – на гражданско-правовых отношениях равенства. Содержание же отношений по своей сути одно и то же – это дача одним субъектом (субъектом управления производством и/или распределением) другому субъекту (субъекту потребления) обязательных указаний по корреляции действий последнего в сфере использования и потребления, включая вопросы энергетической безопасности.

Органическое переплетение властных отношений с отношениями равенства в энергоснабжении выражается, в частности, в том, что в процессе энергоснабжения существует не только прямая, но и обратная зависимость (взаимодействие между субъектами), когда потребитель дает субъекту управления обязательные указания по производству-передаче. Ибо, ключевая сущность указанных отношений – это согласованная экономико-правовая деятельность по производству – передаче и снабжению энергоресурсами, включая процесс (стандию) управления этой деятельностью.

Энергетическое право – это комплексная отрасль, где синергетически объединяются в новое качество

разноотраслевые методы регулирования – публично- и частноправовые в процессе регулирования отношений в рамках Единого энергетического фонда РФ и других энергофондов. Управление имманентно присуще энергетическим отношениям, оно встроено в них, не может существовать без них. Синергетический эффект заключается не в слиянии двух разноотраслевых методов, а во взаимодействии и взаимоусилении эффекта регулирования энергетических отношений.

В свое время В. К. Райхер высказал мнение, что система права строится в нескольких плоскостях [17, с. 186] и постепенно эта идея получила развитие, особенно в связи с кодификацией законодательства. В наиболее законченной форме теорию наличия комплексных общностей в системе права развил и обосновал С. С. Алексеев [18, с. 82–123]. Придерживающийся этой же позиции Ю. К. Толстой пишет: система права существует не в одном, а в самых различных измерениях, иными словами, система права многомерна или, что то же самое, полимерна. В системе права существуют не только первичные, но также вторичные, третичные и прочие правовые образования как бы их не называть. В зависимости от целей и задач, стоящих на данном этапе развития общества, и от того, насколько правильно они поняты, одни и те же отношения могут входить в предмет не одной, а самых различных отраслей права. Комплексность присуща любой отрасли права и все дело в мере такой комплексности, в зависимости от которой и определяется место соответствующей отрасли в системе права, существующей не в одном, а в самых различных измерениях [19].

Нельзя проводить выделение структур комплексных отраслей и институтов по любым основаниям, это ведет к субъективизму. Системообразующие факторы должны быть внешними для системы, в которой они применяются, и основываться на объективных признаках, определяющихся общественными отношениями, которые право регулирует. Системообразующие факторы должны быть достаточно существенны, чтобы основанная на них система отражала не просто объективные, а глубинные, существенные признаки объекта.

Аргументом, обосновывающим концепцию существования энергетического права как самостоятельной отрасли права, является выдвинутая нами идея энергофондов, особенно Единого энергетического фонда РФ в качестве основы формирования и функционирования энергетического права.

«Концепция энергофондов» дает возможность теоретически обосновать и полисистемный характер энергетического права, о котором писал С. С. Селиверстов обративший внимание на то, что отношения в области

энергетики регулируются нормами не только национального законодательства, но и международно-правовыми актами, таким образом, энергетическое право, взятое в своей совокупности, носит полисистемный характер, поскольку национальное и международное право суть различные системы права [20]. Полисистемность в данном случае есть не что иное, как признание «выхода» действующих в энергетических отношениях объективных закономерностей за пределы национальных правовых систем. ЕЭФ РФ может быть тем или иным образом связан, коррелироваться с энергофондами других стран, группы стран, Европы, мира – это, в принци-

«Концепция энергофондов» дает возможность теоретически обосновать и полисистемный характер энергетического права

пе, вполне прогнозируемая реальность, реализация которой зависит от путей развития мировой энергетики и экономики в целом, а, возможно, и политики стран – потенциальных участниц таких энергофондов. Энергофонды в этом аспекте можно рассматривать как полисистемный правовой институт, существующий в рамках межгосударственных отношений.

На основе высказанной в теории права идеи «наслоения» отраслей и формирования отраслей вторичного, третичного и прочих уровней, можно утверждать о выделении энергетического права как отрасли права. Энергетическое право в этом контексте – это самостоятельная отрасль, появившаяся в результате объективного по своему содержанию синергетического взаимодействия входящих в него разноотраслевых публично- и частноправовых отношений.

«Органическое переплетение» в энергетических отношениях – это новая комплексность, которой синергетический эффект придает качество единого, внутренне цельного образования, существующего на вторичном уровне. База формирования энергетического права как отрасли – Единый энергетический фонд РФ, ибо именно он является экономико-правовой формой функционирования национальной энергосистемы как единой системы производства, распределения и потребления энергоресурсов.

Объективная связь производства, распределения и потребления энергоресурсов, находящая свое внешнее выражение в составляемых в отраслях ТЭК топливно-

энергетических балансах и формируемых на их основе энергофондах – это глубинная, существенная причина, основа формирования имеющей место новой сложности отношений равенства и власти-подчинения. Синергетический эффект здесь проявляется как результат отсутствующей в других сферах экономики органической взаимосвязи и взаимодействия производства, распределения и потребления энергоресурсов, в результате которого энергоснабжение становится по сути дела совместной деятельностью производителя, потребителя, а также и иных субъектов этого процесса.

Невозможность разделения энергетики как единой функционирующей технико-технологической и экономической системы производства, распределения, потребления и управления ими – одна из главных причин единого характера комплексной отрасли энергетического права. Управление перечисленными процессами – объективная реальность, существующая независимо от наличия или отсутствия плановой системы или (что имеет место сейчас) нормативного общеобязательного характера составляемых в ТЭК топливно-энергетических балансах. Степень этого управления является разной в зависимости от уровня системы как объекта управления, субъектного состава и обусловленной им иерархии уровней управления, но оно есть всегда. Это не централизованное управление в рамках ЕЭФ РФ как объекта государственности, это управление одним субъектом деятельностью других субъектов путем дачи указаний непосредственно по характеру деятельности объекта управления в сфере энергоснабжения или прямого вмешательства в сферу деятельности объекта управления путем управления установками потребления энергоресурсов.

При этом субъектами управления могут быть как орган государственной власти, так и коммерческая организация (госорган в коммерческих отношениях действует как субъект хозяйствования). В первом случае управление будет основано на административно-правовых отношениях власти и подчинения, во втором – на гражданско-правовых отношениях равенства. Содержание же отношений по своей сути одно и то же – это дача одним субъектом (субъектом управления производством и\или распределения) другому субъекту (субъекту потребления) обязательных указаний по корреляции действий последнего в сфере использования, потребления. Органическое переплетение властных отношений с отношениями равенства в энергоснабжении выражается, в частности, в том, что существует и обратная зависимость (взаимодействие), когда потребитель дает субъекту управления обязательные указания по производству-передаче энергоресурсов. Ибо, ключевая сущность

отношений по энергоснабжению – это совместная деятельность, сотрудничество по производству – передаче – снабжению энергоресурсами.

Имеющееся в сфере энергетики тесное переплетение публично-правовых (внерыночных) и частноправовых (рыночных) отношений, обусловленное как спецификой производства – передачи – потребления – управления энергоресурсов, так и спецификой опосредствуемых ими технико-технологических и экономических отношений, объективно требует наличия механизма согласования этих разнородных отношений, коим в идеале и должно стать энергетическое право как отрасль.

Энергофонды, формирующиеся в экономике страны, являются, по своей сути, экономико-правовой формой существования публично- и частноправовых отношений по производству, распределению, потреблению и управлению энергоресурсов как в масштабах страны, так и на уровне иных субъектов отношений по производству и потреблению энергоресурсов.

Это основа энергетического права как самостоятельной отрасли права. Отрасли не основной, а на стыке основных, можно сказать, «промежуточной», «основной отрасли второго порядка». Энергетическое право – это комплексная отрасль, где синергетически объединяются в новое качество разноотраслевые методы регулирования – публично- и частноправовые в процессе регулирования отношений в рамках ЕЭФ РФ и других энергофондов. Управление имманентно присуще энергетическим отношениям, оно встроено в них, не может существовать без них. Синергетический эффект заключается не в слиянии двух разноотраслевых методов, а во взаимодействии и взаимоусилении эффекта регулирования энергетических отношений.

Для формирования комплексной отрасли права, отмечал С. С. Алексеев, необходимо наличие комплексного акта, затрагивающего целые сферы социальной жизни или их участки [21, с. 109]. Для энергетического права таким актом мог бы стать Энергетический кодекс Российской Федерации.

Если говорить о возможной структуре Энергетического кодекса РФ, то в свете сделанных в настоящей работе выводов он должен включать в качестве основополагающих разделов порядок разработки и утверждения Единого топливно-энергетического баланса РФ и ТЭБ субъектов предпринимательства, положения о понятии, содержании и порядке функционирования энергофондов – от ЕЭФ РФ до энергофондов субъектов предпринимательства, а также нормы об энергетической безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кашулин Д. А. Энергетическая безопасность как исследовательская задача политической науки. // Национальная безопасность / Nota bene. 2015. № 6. С. 875–885.
2. Катаева Е. Г. Политика энергетической безопасности как условие устойчивого развития России: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.02. Москва. 2006. – 331 с.
3. Орсоева М. В. Энергетическая безопасность как фактор устойчивого развития региона: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Иркутск, 2005. – 194 с.
4. Турсунов К. В. Энергетика в обеспечении устойчивого развития // Экономические науки. 2012. №4 (89). С. 189–191.
5. Шафир А. М. Энергоснабжение предприятий (правовые вопросы). М.: Юридическая литература, 1990. 144 с.
6. Швецова К. М. Единый народнохозяйственный комплекс – качественно новая стадия развития экономики социализма: дис. ... канд. эконом. наук: 08.00.05. Л., 1984. С. 11–12.
7. Лахно П. Г. Энергетическое право Российской Федерации: Становление и развитие. Москва: Издательство Московского университета, 2014. 480 с.
8. Городов О. А. Введение в энергетическое право: Учебное пособие. М.: Проспект, 2012. – 224 с.
9. Шафир А. М. Понятие и система договоров на снабжение через присоединенную сеть // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 47–54.
10. Гусарова Е. В. Экономика предприятий электрических сетей. Харьков: Изд-во ДВГУПС, 2000.
11. Особенности калькулирования и составления сметы затрат в отрасли электроэнергетики // Справочник экономиста. 2005. № 4 / Управление затратами. Основные принципы учета и калькулирования себестоимости в электроэнергетике (данные из инструкции по планированию, учету и калькуляции себестоимости электрической и тепловой энергии в энергосхемах и на электростанциях, затрат на передачу и распределение энергии в энергетических и тепловых сетях (Собянин А. В., Макаричев Н. В. М., 1970).
12. Рекомендации парламентских слушаний на тему «О законодательном обеспечении оптимизации топливно-энергетического баланса Российской Федерации». Утверждены решением Комитета Государственной Думы по энергетике, транспорту и связи 11 апреля 2007 г. Протокол № 111.
13. Попова Е. Топливо-энергетический баланс России: взгляд на формирование // Электронный журнал энергосервисной компании «Экологические системы». 2010. №2.
14. Башмаков И. А. Разработка комплексных долгосрочных программ энергосбережения и повышения энергоэффективности: методология и практика: автореф. дис. ... докт. эконом. наук, 08.00.10. Москва. 2013. – 54 с.
15. Мелентьев Л. А. Очерки истории отечественной энергетики: развитие научно-технической мысли. М.: Наука. 1987. – 280 с.
16. Топливо-энергетический баланс / Большая энциклопедия нефти и газа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ngpedia.ru/id142440p1.html> (Дата обращения: 21.08.2022).
17. Райхер В. К. Общественно-исторические типы страхования. М., Л., Изд-во АН СССР, 1947. – 282 с.
18. Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М.: Госюриздат. 1961. – 187 с.
19. Толстой Ю. К. Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение. 1998. № 2. С. 128–149.
20. Селиверстов С. С. К вопросу о понятии энергетического права. Энергетическое право. 2008. № 1. С. 52–58.
21. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1993. – 223 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шафир Александр Моисеевич

(Россия, Москва), кандидат юридических наук, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, e-mail: shafir07@mail.ru.

AUTHOR'S DETAILS

Aleksandr M. Shafir

(Russia, Moscow), Candidate of legal Sciences, the International Commercial Arbitration Court under the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, e-mail: shafir07@mail.ru.

К вопросу о формировании профессорско-преподавательского состава юридического факультета Иркутского государственного университета (1918 г. – конец 1920-х гг.)

Калинина А. В., Светлакова А. С.¹

Аннотация: На основе анализа широкого круга источников, изучения архивных документов, в статье освещаются первые годы работы юридического факультета Иркутского государственного университета (ИГУ). Открытый в 1918 г. юридический факультет ИГУ являлся структурой, из которой после многочисленных преобразований был выделен Сибирский институт советского права (впоследствии – Свердловский правовой институт, Свердловский юридический институт, Уральская государственная юридическая академия, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева).

Автор показывает проблемы обеспечения юридического факультета профессорско-преподавательскими кадрами, финансовые и иные проблемы, затронувшие факультет в различные периоды его становления. Отмечена большая роль ректоров ИГУ в развитии юридического факультета: М. М. Рубинштейна, Н. Д. Бушмакина.

В работе ярко представлены биографии первых профессоров юридического факультета ИГУ, благодаря которым за короткий промежуток времени удалось поднять факультет на высокий уровень юридического образования: В. П. Доманжо – первого декана юридического факультета, М. М. Агаркова – заведующего кафедрой торгового права, Г. Ю. Маннса – декана факультета права и местного хозяйства, С. С. Покровского – ординарного профессора по кафедре истории римского права, исполняющего должность ординарного профессора по кафедре истории русского права.

Ключевые слова: Иркутский государственный университет, УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, юридическое образование, юридическая наука, профессорско-преподавательский состав, В. П. Доманжо, М. М. Агарков, С. С. Покровский, Г. Ю. Маннс

To the Question of the Formation of the Teaching Staff of the Faculty of Law of Irkutsk State University (1918 – the End of the 1920s)²

Anna V. Kalinina, Anastasia S. Svetlakova

Abstract: Based on the analysis of a wide range of sources and the study of archival documents, the article covers the first years of the Irkutsk State University (ISU) Faculty of Law. Opened in 1918 the Faculty of Law of the Irkutsk State University was a structure from which after numerous transformations the Siberian Institute of Soviet Law (later – Sverdlovsk Law Institute, Sverdlovsk Law Institute, Ural State Law Academy, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev) was separated.

The author shows the problems of providing the Faculty of Law with teaching staff, financial and other problems that affected the Faculty in different periods of its formation. The great role of the Rectors of the Moscow State University such as M. M. Rubinstein and N. D. Bushmakina in the development of the Faculty of Law is noted.

The work contains the description of the biographies of the first professors of the Faculty of Law of ISU. They are V. P. Domanzho – the first Dean of the Faculty of Law, M. M. Agarkov – the Head of the Commercial law department, G. Yu. Manns – the Dean of the Faculty of law and Local Economy, S. S. Pokrovsky – an ordinary Professor of the History and Roman law Department, acting as an ordinary Professor of the History of Russian Law Department. Due to them, we managed to raise the faculty to a high level of legal education in a short period.

1 Ссылка для цитирования: Калинина А. В., Светлакова А. С. К вопросу о формировании профессорско-преподавательского состава юридического факультета иркутского государственного университета (1918 г. – конец 1920-х гг.) // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 3. С. 44–51.

2 For reference: Anna V. Kalinina, Anastasia S. Svetlakova. To the Question of the Formation of the Teaching Staff of the Faculty of Law of Irkutsk State University (1918 – the End of the 1920s) // Business, management and law. 2022. № 3. P. 44–51.

Keywords: Irkutsk State University, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, legal education, legal science, teaching staff, V. P. Domandzho, M. M. Agarkov, S. P. Pokrovsky, G. Manns

История Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева начиналась в Иркутске с открытия осенью 1918 г. Иркутского государственного университета, в составе которого был юридический факультет.

Создание Иркутского университета шло в тяжелых условиях Гражданской войны. Открытый в период Временного Сибирского правительства юридический факультет ИГУ нуждался не только в зданиях, финансах, но и в кадрах. Штат преподавателей был укомплектован научно-педагогическими работниками, эвакуированными из-за Гражданской войны в Иркутск из центральных районов России. Освещение темы формирования преподавательского состава юридического факультета Иркутского университета в период его учреждения и первых лет деятельности является предметом настоящего исследования.

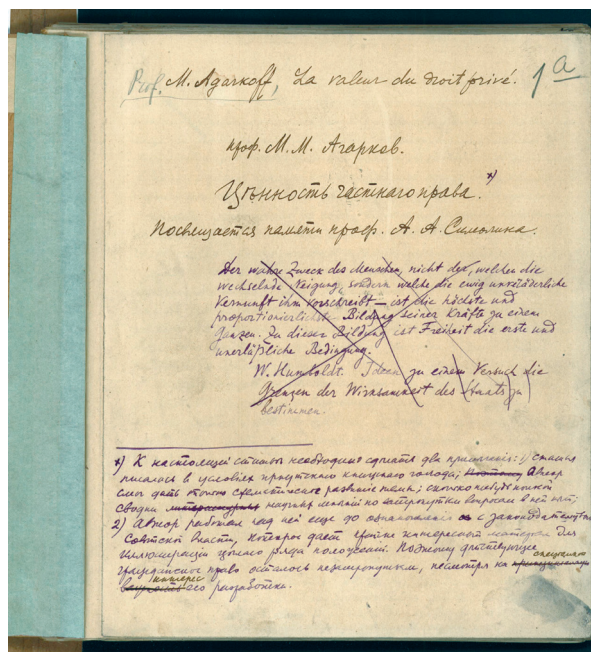
Весомый вклад в изучение данной проблемы внес известный исследователь истории юридического образования в Сибири профессор В. Н. Казарин [1, с. 10–15]. Работы В. Н. Казарина содержат обширную научную и познавательную информацию, что позволяет глубже осмыслить процесс становления юридического образования в Восточной Сибири [2, с. 3–13]. Образование университета освещается и в работах А. В. Ануфриева. В исследовании им приведены архивные документы об образовании университета с небольшими комментариями [3, с. 166–172; 4].

Все больше иркутский период входит в поле университетской историографии УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева. Подробно рассматриваются проблемы становления юридического образования в рамках ИГУ, его трансформация и продолжение истории в УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева [5, с. 11–28; 6, с. 32–36 и др.]. Изучение научно-педагогической деятельности преподавателей-юристов, способствовавших становлению юридического образования в Восточной Сибири, уточнение биографических данных на сегодня актуально и способствует формированию профессиональной идентичности юристов уральской школы и сохранению исторической вузовской памяти. Изучение юридического образования в ИГУ в период его образования и становления сквозь призму научно-педагогической деятельности первых преподавателей-юристов видится весьма перспективным.

Yu .

Василий Павлович Доманжо

Фрагмент конспекта лекции М. М. Агаркова (Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп.1. Ед. хр. 120)

Юридический факультет ИГУ ведет свою историю с 15 сентября 1918 г., что было закреплено Постановлением Совета министров Сибирского правительства от 26 апреля 1919 г. [7, с. 2–3].

Гражданская война и тяжелое положение в центре страны заставили многих ученых покинуть центральные города России и отправиться в Сибирь, в том числе в Иркутск.

Первый ректор ИГУ Моисей Матвеевич Рубинштейн активно участвовал в комплектовании преподавательского состава первых факультетов. Он вел переписку и переговоры с известными учеными. Рубинштейн проделал большую работу по устройству зданий, организации приема абитуриентов, формированию управленческой структуры, кафедр, библиотеки [8].

Основу юридического факультета ИГУ составили ученые, окончившие ведущие университеты России, прошедшие научные стажировки в зарубежных университетах, имевшие ученые степени и звания, опыт научно-педагогической работы. [7, с. 2–3].

Короткое время обязанности декана юридического факультета исполнял профессор М. М. Агарков, затем на эту должность избрали В. П. Доманжо.

В 1920-е гг. юридический факультет претерпел некоторые структурные преобразования: был образован один гуманитарный факультет, затем факультет общественных наук, в составе которого было создано правовое отделение. Факультет общественных наук просуществовал с 1921 по 1924 г. Его преемником явился факультет права и местного хозяйства, открытый осенью 1924 г. В конце 1920-х гг. он был реорганизован в факультет советского строительства и права.

С начала 1930-х годов образование пошло по пути создания специализированных высших учебных заведений – институтов права. 20 апреля 1931 г. университетский факультет был преобразован в Сибирский институт советского права, который в 1934 г. был переведен из Иркутска в Свердловск. В 1935 г. его переименовали в Свердловский правовой институт, а в июле 1936 г. – в Свердловский юридический институт. В декабре 1992 г. Свердловский юридический институт был переименован в Уральскую государственную юридическую академию. В настоящее время традиции юридического образования, заложенные еще в Иркутске, продолжает Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

После открытия Иркутскому университету предстояло преодолеть еще много трудностей, так как еще шла Гражданская война. В августе 1920 г. ректор Н. Д. Бушмакин призывал региональные революционные

Герберт Юлианович Маннс

власти не допустить развала университета [9, с. 93–96, 123–124].

Положение ИГУ было тяжелым: не хватало топлива, академические пайки выдавались не по норме и не по фактическому наличию академического персонала, низкая оплата труда профессуры. В докладе по поводу очередной годовщины вуза в 1922 г. профессор Рубинштейн отмечал, что «с правовой стороны университет стоит твердо, то со стороны финансово-материального положения университета опасность далеко еще не миновала. Центральная власть значительно увеличила свою помощь университету, но при современном состоянии государственной казны она не может дать университету всего того, что ему нужно для существования и развития. Все силы, дорожащие нашим университетом, должны быть направлены на то, чтобы здесь на месте создать существенную постоянную материальную помощь нашей высшей школе» [10].

Нехватка преподавателей вынудила Правление Иркутского государственного университета в декабре 1921 г. командировать в Москву профессора Маннса с целью приглашения преподавателей на факультет. Хотя Иркутский университет создавался в неблагоприятных условиях, он оправдал надежды передовой общественности и оказался вполне жизнеспособным организмом. М. М. Рубинштейн писал, что «впервые наш

университет освобождается от привкуса временного учреждения. Четвертая годовщина нашего университета является праздником совершеннолетия нашей высшей школы, и первый выпуск историков, словесников, юристов – нашим аттестатом зрелости» [11].

Профессорско-преподавательский состав ИГУ создавался силами представителей ведущих университетов страны, что дало возможность комплектовать его состав из первоклассных специалистов. Сразу после открытия университета на юридическом факультете к работе приступили такие видные юристы того времени, как В. П. Доманжо, М. М. Агарков, С. П. Покровский, Г. Ю. Маннс.

Первыми на юридическом факультете были организованы кафедры гражданского права (заведующий – профессор В. П. Доманжо), уголовного права и судопроизводства (профессор Г. Ю. Маннс), торгового права (профессор М. М. Агарков), истории римского права (профессор С. П. Покровский). Хотя состав и численность профессорско-преподавательского состава еще не отличались постоянством.

Первый декан юридического факультета Василий Павлович Доманжо (1881–1922) родился в с. Константиновка Пензенской губернии. В 1900 г. окончил Казанскую гимназию, а в 1904 г. – юридический факультет Казанского университета. Преподавал в 1907 г. законоведение в местной гимназии и римское право в университете Казани. В 1909–1917 гг. – приват-доцент, в 1915–1917 гг. – одновременно старший ассистент кафедры римского права Казанского университета. М. К. Корбут выделяет Доманжо как одного из молодых профессоров, которые пользовались «особенным уважением и любовью студентов» [12, с. 262].

В 1917–1918 гг. профессор Доманжо работал на кафедре гражданского права в Пермском университете, а в 1918 г. прибыл в Иркутский государственный университет, где занял должность декана юридического факультета и преподавал историю римского права, гражданское право [7, с. 2–3; 9, с. 123–124]. В 1920 г. Доманжо исполнял некоторое время обязанности ректора ИГУ.

В. П. Доманжо занимался и научной деятельностью. В Иркутском университете он опубликовал свою работу «История римского права. Лекции» (Иркутск, 1919), исследовал проблемы злоупотребления правом и др.

Василий Павлович не успел сделать многое из всего задуманного: 9 сентября 1922 г. его жизнь оборвалась в результате тяжелой болезни. Осенью 1922 г. преподаватели факультета читали лекции в пользу семьи Василия Павловича. Это свидетельствует о том, что

Сергей Петрович Покровский

профессор Доманжо был уважаемым и достойным человеком [9, с. 123–124, 133–138].

Михаил Михайлович Агарков (1890–1947) – профессор и заведующий на кафедре торгового права. М. М. Агарков родился в Казани. В 1912 г. окончил Казанский университет. С апреля 1913 г. по сентябрь 1914 г. находился в командировке в Париже. В 1915 г. стал приват-доцентом Казанского университета [7, с. 2–3].

Поволжье стало территорией боевых действий противоборствующих сторон. М. М. Агарков переехал в Иркутск и был зачислен в штат преподавателей юридического факультета ИГУ с 1 октября 1918 г. [13, с. 482–489].

В первые месяцы профессору было выдано удостоверение в том, что он не имел возможности приобрести верхнюю штатскую одежду, и носил форму, выданную ему еще как члену думского комитета по обороне города Казани. В справке указывалось также, что Агарков – беженец, поэтому необходимые документы отсутствовали и «будут представлены им при первой возможности». В другой справке указывалось, что М. М. Агарков наряду с некоторыми другими преподавателями университета имел право хранить и носить револьвер.

В Иркутском университете Агарков читал лекции по общей теории права, торговому праву, вел практические занятия по гражданскому праву. Данные курсы

были систематизированы и апробированы ранее в Казанском университете, лекции были основаны на последних достижениях науки гражданского права и общей теории права. М. М. Агарков преподавал на Высших Сибирских кооперативно-муниципальных курсах, образованных при юридическом факультете Иркутского университета. Помимо всего, М. М. Агарков принимал активное участие в общественной жизни университета: в Юридическом обществе в составе президиума был казначеем, членом различных комиссий.

Летом 1919 г. М. М. Агарков был избран профессором Пермского университета, но еще работал и в Иркутском университете. После некоторой стабилизации ситуации в стране М. М. Агарков в 1921 г. не вернулся в Иркутский университет из командировки и уехал работать в Саратовский университет [9, с. 123–124]. Позже возглавлял юридическую службу в Госбанке СССР, Совнарком СССР, Наркомфине, Наркомвнешторге, Союзнефтеэкспорте, состоял научным консультантом при Верховном Суде СССР и Государственном арбитраже СССР. В 1939 г. преподавал во Всесоюзном институте юридических наук. После Великой Отечественной войны заведовал кафедрой гражданского права в МГУ, читал лекции в институте Международных отношений, Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), работал заместителем директора института права АН СССР, а в последующем в различных учебно-научных учреждениях Москвы. Несмотря на то, что иркутский период научной деятельности М. М. Агаркова был непродолжительным, им уже в первом выпуске 1920 г. «Сборника трудов профессоров преподавателей Иркутского университета» была опубликована его статья «Ценность частного права». Его научные интересы были направлены на вопросы теории гражданского права и общей части обязательственного права, а также кредитных и денежных правоотношений [14, с. 1].

Герберт Юлианович Маннс (1884–1938) родился 1 ноября 1884 г. в семье служащего уездного казначейства в г. Венден Лифляндской губернии. По семейным обстоятельствам получал образование в разных учебных заведениях: среднее образование получил в гимназии г. Митава, Иркутском промышленном и Якутском реальном училищах, высшее образование – в Институте Востоковедения во Владивостоке [15, с. 204–210].

В 1912 г. Ю. Маннс окончил юридический факультет Казанского университета. Оставлен для приготовления к профессорскому званию под руководством профессора А. А. Пионтковского. В 1913 и 1914 г. был в заграничной командировке в Берлине. Вернулся в начале Первой мировой войны в Россию и продолжил

подготовку к научно-преподавательской деятельности в Казани, начал преподавать [16, с. 114–115].

С началом Гражданской войны семья Маннса покинула Казань и переехала в Иркутск, в котором открылся новый университет. Приказом Министерства народного просвещения Российского правительства Г. Ю. Маннс был утвержден исполняющим должность экстраординарного профессора кафедры уголовного права и судопроизводства Иркутского университета с 1 октября 1918 г. [17, с. 4, 16].

В Иркутском университете Г. Ю. Маннс читал курсы: «Общее учение о государстве», «Уголовное право», «Уголовное право РСФСР», «Уголовная этиология», «Криминалистика», «Уголовная политика», «Социология», «Национальный вопрос и национальное движение» [16, с. 116].

С апреля 1919 г. Ю. Маннс возглавлял криминалистический кружок, созданный для изучения вопросов уголовного права и вспомогательных к нему дисциплин [17, с. 76–77]. В июле 1922 г. Герберт Юлианович был утвержден деканом ФОНа, а в 1924 г. деканом факультета права и местного хозяйства.

В сложных условиях Гражданской войны и послевоенной разрухи, при значительной учебной нагрузке, Герберт Юлианович продолжал заниматься научной работой. К 1926 г. «имел 11 работ объемом более 1½ печатных листа (27 страниц) и свыше 20 более мелких статей» [17, с. 76–77], большинство из которых было посвящено вопросам уголовного права и криминалистике. Он рассматривал криминалистику как вспомогательную по отношению к уголовно-процессуальному праву, прикладную дисциплину. «Результаты многолетней преподавательской деятельности ... а также личный преподавательский опыт в университетах Казанском и Иркутском заставляют меня высказываться за безусловную необходимость включения общего курса криминалистики в учебный план факультетов права» [17, с. 77–77 об.].

Маннс активно занимался исследовательской работой. В апреле 1921 г. ему было разрешено отправиться в «ученую командировку» в Иркутскую губернию и Дальневосточную республику (ДВР) с целью сбора материалов о праве и быте монголо-бурят [17, с. 37].

Вне университета Маннс работал председателем правления в 1919–1920-е гг. в Иркутском обществе народных университетов, был председателем библиотечного общества Иркутского университета в 1919–1921 гг.

Г. Ю. Маннс принимал активное участие в создании университетской библиотеки. В личном деле профессора Маннса сохранилась выписка из протокола

с просьбой оказать содействие Г. Ю. Маннсу в предоставлении вагона для доставки книг в университет [17, с. 26].

Г. Ю. Маннс был заведующим культурно-просветительским отделом Ирсоюза в 1920–1921 гг., членом ВСОРГО (Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества), президентом Бурятско-монгольской секции в 1925 г., в Комитете Севера 1925–1926 гг., в Иркутском Губплане – 1925–1926 гг., председателем правления в Иркутском юридическом обществе – 1926 г. Он читал лекции на областных юридических курсах, курсах для агентов уголовного розыска, кооперативных и статистических курсах, курсах библиотекведения [17, с. 76–77].

Вся эта административная работа отнимала у профессора много времени: был вынужден кроме работы в университете, ездить в Москву в 1921 и 1923 гг. с защитой перед центром нужд и интересов ФОНа в связи с дальнейшим его существованием, утверждением кафедр, штатов, учебных планов и программ. В феврале 1927 г. Маннс был избран заведующим подготовительных курсов по пушному делу и охотоведению [17, с. 79–80].

За 1927 г. в личном деле Г. Ю. Маннса сохранилось несколько выписок из протоколов разных заседаний о разрешении позволить Г. Ю. Маннсу использовать отпуск за 1926 г. С февраля по март 1927 г. Маннс уходит в неиспользованный отпуск (профессор имел право на 2-месячный отпуск в году). С 14 мая 1927 г. на 3 недели уезжает в командировку в Москву на Методическое совещание по социально-экономическому образованию [17, с. 81, 82, 84–84 об.].

Осенью 1927 г. профессор Маннс просил направить его в заграничную командировку на три месяца в Германию в г. Берлин и в Австрию в г. Вена и Грац с предоставлением субсидии 282 рублей. Командировка правлением была разрешена без субсидии. В личном деле отсутствует информация о поездке за границу, что скорее свидетельствует о срыве командировки, данные из телеграммы Маннса правлению университета об отработке учебных часов осенью 1927 г. подтверждают данный факт [17, с. 86, 88]. В декабре 1927 г. профессору Маннсу была одобрена научная командировка без субсидии в Москву, Ленинград и Саратов с 1 января по 1 июля 1928 г. [17, с. 89].

Профессор Маннс вел с января 1928 г. учебную работу в Саратовском университете и за порученные ему годовые курсы как за дополнительные часы получал 260 рублей в месяц [17, с. 99].

7 июля 1928 г. профессор Г. Ю. Маннс отправил телеграмму из Саратова в Иркутск ректору университета:

«Ввиду перехода основную службу в Саратовский университет прошу отчислить меня из преподавательского состава Иркутского университета с 1 июля сего года. Профессор Маннс». Таким образом, с 1 июля 1928 г. он был отчислен из Иркутского государственного университета и с июля того же года стал работать профессором Саратовского университета [17, с. 102].

Общие данные и данные о прохождении службы с 1912 по 1928 г. (образование, профессия, партийность, национальность, социальное положение, где учился и работал) Г. Ю. Маннса остались в Трудовом списке, заведенном на профессора в 1926 г. в Иркутском государственном университете [17, с. 109–116].

В 1931 г. Маннс был назначен заведующим кафедрой уголовного права Саратовского юридического института. В 1937 г. – репрессирован. 22 мая 1938 г. расстрелян. В 1957 г. реабилитирован посмертно.

Сергей Петрович Покровский (1881–1939) – историк права, профессор по кафедре римского и русского права. Родился в 1881 г. в семье духовного служителя, родители имели родовое имение в Тульской губернии [18, с. 10]. В 1907 г. он с золотой медалью окончил курс Демидовского юридического лицея. Там же был оставлен на два года для подготовки к получению профессорского звания. Сдал магистерский экзамен в Харьковском университете и удостоился звания приват-доцента кафедры всеобщей истории и права Демидовского юридического лицея.

В 1907–1908 гг. и с 1910–1913 гг. Покровский проходил обучение за границей, имел возможность поработать в Парижском национальном архиве и Национальной библиотеке. В 1914 г. защитил в Московском университете диссертацию на степень магистра по государственному праву. В 1915 г. перешел преподавать в Казанский университет [18, с. 10–10 об., 60].

Приказом по Министерству народного просвещения от 18 октября 1918 г. Покровский назначен ординарным профессором Иркутского государственного университета по кафедре истории римского права. 29 октября он утверждается в звании исполняющего должность ординарного профессора по кафедре истории русского права.

В Иркутске Покровский вел занятия по истории русского права, по государственному праву, истории философии и права, социологии, практические занятия по государственному праву. В личном деле С. П. Покровского был уже основательный список научных трудов, отраженных им в рукописном списке, характеризующего его как состоявшегося ученого [18, с. 47, 55, 59]. Профессор Б. Б. Черепяхин в представлении на должность профессора по кафедре

административного права Правовой предметной комиссии факультета права и местного хозяйства университета С. П. Покровского в декабре 1928 г. писал: «Все эти работы обнаруживают в С. П. Покровском крупного ученого, исследователя вопросов публичного права, обладающего огромной эрудицией. Покровский прекрасный преподаватель, умеющий живо заинтересовать преподаваемыми им дисциплинами и найти общий язык со студенчеством, достигая отличных педагогических результатов» [18, с. 58]. В 1920 г. С. П. Покровский покинул Иркутск и перешел преподавать в Туркестанский университет в Ташкенте.

В декабре 1928 г. руководство ИГУ утвердило Покровского преподавать административное право на факультете права и местного хозяйства в Иркутском университете, о чем свидетельствуют выписки постановлений начиная от заседаний факультета до главного управления профессионального образования, и Покровский соглашался на должность, что подтверждают его заявление и телеграммы. Но сведения, преподавал ли он с 1929 г. не нашли подтверждающих документов в личном деле [18].

В 1920-е гг. наметился отток кадров из ИГУ. Университет покинули профессора М. М. Агарков, С. П. Покровский и другие преподаватели. Первые научно-педагогические кадры Иркутского университета, стоявшие у истоков современной российской юридической науки в Восточной Сибири, внесли большой вклад в дело формирования правового образования в Восточной Сибири и подготовки квалифицированных юристов.

Для подготовки настоящей статьи были привлечены архивные документы, историографический материал и публикации местных периодических изданий. В ходе работы были систематизированы различные данные, извлеченные из разных источников, расширены и уточнены биографические данные о первых профессорах-преподавателях ИГУ. В работе проанализированы исторические условия, процесс зарождения и становления юридического образования в Восточной Сибири, связанного с созданием Иркутского государственного университета в 1918 г. Зарождение будущего второго университета в Восточной Сибири происходило в условиях Гражданской войны, как следствие, разрухой и нищетой, а становление юридического факультета проходило через неоднократные преобразования на пути к оптимальной модели подготовки советского юриста, когда само Советское государство только зарождалось.

На этапе своего становления юридическое образование в Восточной Сибири в большой степени опиралось на достижения дореволюционной юриспруденции и опыт европейских университетов, который несла первая профессура вуза. М. М. Агарков, В. П. Доманжо, Г. Ю. Маннс и С. П. Покровский являлись выпускниками Казанского университета, благодаря полученному образованию, опыту педагогической и научной деятельности смогли за короткий промежуток времени поднять на высокий уровень юридическое образование в Иркутском университете. Несмотря на трудности переломного периода в истории страны, они помимо преподавательской деятельности занимались научной и общественной работой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Казарин В. Н. Становление юридического образования и формирование традиций правовой школы в Иркутском университете. 1918–1931 гг. // Сибирский юридический вестник. 1999. №1. С. 10–15.
2. Казарин В. Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1 (40). С. 3–13.
3. Ануфриев А. В. Создание и первые годы деятельности ИГУ (по материалам Государственного архива Российской Федерации) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 166–172.
4. Ануфриев А. В. «Крестный отец» университета. Идею открытия университета в Иркутске активно лоббировал министр народного просвещения Сибирского правительства Василий Сапожников [Электронный ресурс]. URL: <http://100.isu.ru/page1181884.html> (дата обращения: 03.05.2022).
5. Зипунникова Н. Н., Калинина А. В., Елисова Н. С. От юридического факультета Иркутского университета к Сибирскому институту советского права: иркутские корни вузовской истории (посвящение 100-летию Уральского государственного юридического университета) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 8. С. 11–28 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=26607 (дата обращения: 03.05.2022).
6. Зипунникова Н. Н. О роли музейных источников в познании советского юридического образования и науки // Источниковедение советского государства и права: классификация, виды и конкретные источники изучения: Материалы Круглого

стола и семинара аспирантов / отв. ред. С. В. Кодан. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет. 2017. С. 32–36.

7. Иркутская профессура. Юридический факультет // Иркутский государственный университет: однодневная газета. 1918. 27 октября. С. 2–3.

8. Ануфриев А., Чапыгин И. «Позвольте осведомить Вас о положении дел в Иркутском университете»: из письма министру народного просвещения Василию Сапожникову [Электронный ресурс]. URL: <http://100.isu.ru/page1250004.html> (дата обращения: 03.05.2022).

9. Казарин В. Н., Лякутина Ю. П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991): монография. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2012. – 483 с.

10. Рубинштейн М. М. Задачи и перспективы // Газета Университетский клич. 27 октября 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: http://ellibnb.library.isu.ru/cgi-bin/irbis64r_15_perisu/cgiirbis_64.htm?&C21COM=S&I21DBN=PERISU&P21DBN=PERISU&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&S21ALL=ТЕК=\perisupdf\universitet_klich\1922\1922-02.pdf (дата обращения: 01.07.2022).

11. Рубинштейн М. М. Праздник зрелости // Университетский клич. 27 октября 1922 г.

12. Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. Казань: Издание Казанского университета, 1930. Т. 2. – 382 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/4572> (дата обращения: 01.07.2022).

13. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII – XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М.: Зерцало. 2007. Т. 2. – 672 с.

14. Миротворцев К. Памяти первых борцов за Сибирский Университет // Иркутский государственный университет: Однодневная газета. 1918. 27 октября. С. 1.

15. Иванов А. Н., Михальчук А. Е. Профессор Герберт Юлианович Маннс (к 125-летию со дня рождения) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. №5 (69). С. 204–210.

16. Доктора юридических наук, профессора – преподаватели и выпускники Иркутского государственного университета: биобиблиогр. словарь / сост. и отв. ред. В. Н. Казарин; авт. вступ. ст. О. П. Личичан. Иркутск: ИГУ, 2018. – 252 с.

17. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 3. Ед. хр. 34. Л. 4, 16, 26, 37, 76–77 об., 79–82, 84–84 об., 86, 88, 89, 99, 102, 109–116.

18. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 3. Ед. хр. 42. Л. 10–10 об., 42, 47, 55, 58, 59, 60.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинина Анна Владиславовна

(Россия, Екатеринбург), документовед архива и Музея истории СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, e-mail: arhiv@usla.ru, museum@usla.ru, ORCID: 0000-0002-0563-8180.

Светлакова Анастасия Сергеевна

(Россия, Екатеринбург), студент Института права и предпринимательства, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, e-mail: svetlakova.n.03@mail.ru.

AUTHORS' DETAILS

Kalinina Anna Vladislavovna

(Russia, Yekaterinburg), archivist of the Archive and Museum of History of SLI-USLA-USLU, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: arhiv@usla.ru, museum@usla.ru, ORCID: 0000-0002-0563-8180.

Svetlakova Anastasia Sergeevna

(Russia, Yekaterinburg), student of the Institute of Law and Business, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, e-mail: svetlakova.n.03@mail.ru.

БИЗНЕС
МЕНЕДЖМЕНТ
И научно-практический экономико-правовой журнал
ПРАВО

12+

Выпускающий редактор: *М. А. Бажина*. Верстка: *А. Ю. Тюменцева*. Переводчик: *Н. В. Садыкова*

Адрес редакции журнала: 620034, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54, оф. 303, тел./факс: +7 (343) 367-43-01,
web-сайт: bmpravo.usla.ru, e-mail: bmpjournal@gmail.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательском доме «Ажур»:
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, д. 54, тел.: +7 (343) 350-78-28, +7 (343) 350-78-49,
web-сайт: azhur66.ru, e-mail: azhur.ek@mail.ru

Подписано в печать 15.09.2022 г. Формат 60×84/8. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,04.
Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 100 экземпляров. Заказ № 10/10-1. Дата выхода в свет: 01.10.2022 г.

Цена свободная. Периодичность 4 раза в год

Подписка: Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»: 18626. ISSN 2072-1722

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Номер Свидетельства ПИ № ФС77-64841 от 10 февраля 2016 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными. Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, менеджмент и право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ.